

**Массовые передислокации
населения в связи со сдвигом
на запад территории
Польши после
Второй мировой войны¹**

Катрин Гусефф

(catherine.gousseff@ehess.fr), Центр по
изучению России, Кавказа, Восточной Европы и
Центральной Азии (Национальный центр
научных исследований и Высшая школа
социальных наук), Институт исследований
интеграции и миграции (Колледж Франции),
Франция.

**Mass relocations of the
population in connection with
the shift to the west of the
territory of Poland after the
World War II**

Catherine Gousseff

(catherine.gousseff@ehess.fr),
Centre d'études russes, caucasiennes, est-
européennes et centre-asiatiques
(CERCEC, CNRS/EHESS),
Institut Convergences-Migrations
du Collège de France,
France.

Резюме: В статье представлены результаты исследования массовых перемещений представителей этнических меньшинств (немцев, поляков, украинцев, евреев) в 1939-1947-х годах в контексте изменения границ Польского государства. Автор подробно рассматривает политические предпосылки, исторические этапы, организационные формы и специфические особенности серии обменов многочисленными представителями этнических и социальных групп населения между СССР, Польшей, Германией и Украиной. Этот процесс может быть охарактеризован как последовательная «демографическая хирургия», «трансплантация» живых социальных существ с испытанием их возможностей по приживанию в инородной среде. Исследование опирается на документированные свидетельства, доступные для исследователей в государственных архивах России, Украины, Польши, Германии. В нем также используются свидетельства, сохранившиеся в памяти непосредственных участников событий того времени, как лиц, принимавших решения, организаторов и пропагандистов репатриационных мероприятий, так и, главным образом, самих вынужденных переселенцев – жертв геополитики того времени, на долю которых выпало десятилетие тяжелейших испытаний как в местах принудительного выселения, так и в местах принудительного вселения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, изменения границ Польши, принудительная миграция, репатриация, перемещенные лица.

Для цитирования: Гусефф К. (2022). Массовые передислокации населения в связи со сдвигом на запад территории Польши после Второй мировой войны. Демографическое обозрение, 9(4), 22-60. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16743>

Abstract: The article presents the results of a study of mass movements of ethnic minorities: Germans, Poles, Ukrainians, Jews in the 1939-1947s in the context of changing the borders of the Polish state. The author examines in detail the political prerequisites, historical stages, organizational forms, and specific features of a series of exchanges of numerous representatives of ethnic and social groups between Poland, Germany, Ukraine, and the USSR in general. This process can be characterized as a consistent "demographic surgery", "transplantation" of living social beings with a test of their ability to take root in a non-native, alien environment. The study is based on documented evidence available to researchers in the state archives of Russia, Ukraine, Poland, and Germany. It also uses testimonies preserved in the memory of directly involved participants in the events of that time: decision makers, organizers and propagandists of repatriation processes, and mainly the displaced persons - victims of the geopolitics of that time, who suffered a decade of hardships both in places of forced eviction, as well as in places of forced entry.

Keywords: World War II, changes in Poland's borders, forced migration, repatriation, displaced persons.

For citation: Gousseff C. (2022). Mass relocations of the population in connection with the shift to the west of the territory of Poland after the World War II. Demographic Review, 9(4), 22-60. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16743>

¹ Статья представляет собой переработанную и дополненную версию главы «Grands retours: déplacer le territoire national en déplaçant les hommes» в книге автора: Gousseff C. (2015). Échanger les peuples. Le déplacement des minorités aux confins polono-soviétiques (1944-1947). Paris: Fayard.

Авторизованный перевод с французского и научное редактирование Г.В. Рахманова и С.В. Захаров, 2022 ©.

*«Для меня эти территории Нижней Силезии всегда были польскими.
Меня воспитали в мысли, что они наши. И что мы вернемся.
Но я не предполагал, что для этого нужно будет вернуть
Вильно и Львов и весь восток. Цена была высокой».*

*Анджей Урсын Шантыр
(Ян Клята, «Трансфер»).*

Введение

До лета 1945 г. Польша оставалась в очень неустойчивом положении из-за противоречивости различных международных проектов по урегулированию государственного и территориального устройства после ее освобождения и их влияния на внутреннюю ситуацию в стране. Принципы по реконфигурации территории были сформулированы союзниками без четкого соглашения о делимитации границ на западе. Политические решения первого просоветского Правительства национального единства в Варшаве оставались заложниками оспариваемой легитимности его власти как внутри страны, так и за рубежом. Новые западные регионы де-факто оказались в руках поляков, но немецкое население все еще оставалось там, и теперь нужно было обеспечить их уход как можно быстрее. Одновременно советские войска были массово сосредоточены на этих недавно завоеванных территориях, которые поляки хотели как можно быстрее заселить своими гражданами, особенно поляками с Западной Украины, ставшей частью советской Украины. Летом этот период неопределенности и вызревания сменился большей ясностью.

Провозглашение в конце июня 1945 г. правительства национального единства подтвердило итоги длительных межсоюзнических переговоров о политическом будущем страны. Двоевластие (противостояние находящихся в изгнании в Лондоне и властей, выдвинутых в Польшу под руководством Москвы) окончательно исчезло с прибытием С. Миколайчика – премьер-министра польского правительства в изгнании – в качестве одного из двух заместителей председателя Совета министров и некоторых его заместителей. Здесь доминировали коммунисты, принципы демократического государства не гарантировались, но до поры до времени господствовало стремление к диалогу и идеологические разногласия не препятствовали решению практических задач.

Как и Польский комитет национального освобождения (PKWN) годом ранее, так и новое правительство одним из первых актов одобрили соглашения, заключенные с советскими властями в 1944 г. Возобновление принципа эвакуации меньшинств (поляков с новых территорий в западной части Украины, Белоруссии, а также из Вильнюсского края в Литве) было зафиксировано в соглашении от 6 июля 1945 г.

Это соглашение включало поправку, долгожданную в Польше и приграничных регионах, касающуюся будущего бывших депортированных. Более 220 тыс. поляков, депортированных «вглубь СССР»², все еще надеялись на право переехать в свою страну, и вот, наконец, из Москвы был дан зеленый свет. Полякам, находившимся не только в прежних пределах Второй Польской республики, но и на всей советской территории, было предложено вернуться на родину. Для всех депортированных поляков, все еще находившихся в Средней Азии, Сибири и на Урале, бесконечное ожидание после

² «W głąb ZSRR» или «вглубь СССР», «в глубине СССР» – формулировка, получившая распространение в Польше для описания мест депортации.

освобождения польских территорий сопровождалось мукой неизвестности. Конец ожидания был не просто концом мучений для множества людей, он явился решающим вкладом в нормализацию польско-советских отношений.

Нормализация – новый лозунг послевоенного периода – могла быть применена, по крайней мере в намерениях, и к способу осуществления перемещений населения. Собравшись на Потсдамской конференции летом 1945 г., союзники подняли эти вопросы вокруг важнейшей проблемы о выезде германских меньшинств из Центральной Европы в Германию. Выселение немцев было признано необходимым злом для прочного умиротворения Европы, но должно, по рекомендациям великих держав, «проводиться гуманно и организовано». Ответственность государств в организации послевоенной этнической миграции была закреплена в этических обязательствах перед международным сообществом. Таков, во всяком случае, был смысл этих рекомендаций ³.

Историки широко использовали медицинский язык операций над телом для описания процессов «демографической хирургии» в Европе, которая в Польше приняла впечатляющую форму: смещение всей территории более чем на 200 км к западу было, по существу, материализовано в миграциях людей: поляков с отошедших к СССР восточных территорий довоенной Польши и с Украины, а также немцев из новоприобретенных Польшей территорий на западе ⁴. Какие же за этими образными понятиями «трансплантаций», «пересадок» масс людей скрываются межличностные взаимодействия в процессе выселения и вселения, какие пересечения между возвратными движениями: между мигрантами и местными, между новоприбывшими и немецким этническим меньшинством в процессе депортации?

История «репатриаций», как отныне будут обозначать власти в Варшаве массовые прибытия с востока, включала в себя после лета 1945 г. массовые возвращения поляков, которые до сих пор удерживались на восточных окраинах СССР. Для последних их одиссея, начавшаяся в 1940 г. депортацией, завершалась новыми потрясениями и осложнениями, ибо этим ранее репрессированным людям, попавшим под контроль центральной московской власти, предстояло пройти через волокиту деспотичной бюрократии. Но будь то возвращение депортированных или эвакуированных с Украины, новоприбывшие на родину в массовом порядке воспринимались соотечественниками как иностранцы: ожидавший их прием в Польше между унижением и антисемитским насилием слишком часто становился последней травмой.

Отъезд: каким был траур из-за потери восточных территорий?

В июле 1945 г. впервые темп выезда с Украины соответствовал запланированному на бумаге государственным управлением по репатриации (PUR). Великое переселение началось незадолго до официального объявления новой польско-советской границы, в августе. Комментируя это соглашение, председатель Национального собрания Болеслав Берут отметил относительное безразличие, с которым польское общественное мнение восприняло изменения границ страны и приветствовало их: такое отношение

³ См., например: (Zayas 1989).

⁴ Образцовым примером использования языка «хирургических» терминов является книга: (Schechtman 1962).

имело в его глазах значение молчаливого согласия⁵. Его вывод был, конечно, поспешным и преувеличенным, но это правда, что на Украине лето 1945 г. стало поворотным пунктом. С каждым днем становилась все более очевидной неотвратимость потери восточных территорий, а вместе с ней и неизбежная перспектива ухода. Как это чувствовалось и переживалось?

Траур по восточным территориям от границ Малопольши (*mala Polska*) принимал различные формы в зависимости от места и семейной истории. Западная Украина была частью Польши всего 20 лет. Но Польское государство осуществляло там свою опеку, представив ее как восстановление своей прежней власти, свергнутой в конце XVIII века аппетитами соседних империй. Габсбурги и Романовы делили территорию, однако не могли стереть там важное и доминирующее в социальном отношении польское присутствие. В межвоенный период еще было много семей, которые были свидетелями этой очень древней укорененности. Эльжбета Б., родом с Волыни, упомянула засвидетельствованное существование ее предков в этом районе с XVI века. Дом, основа рода, остался в руках семьи. Эльжбета и ее родители представляли собой лишь одну из бесчисленных ветвей первоначальной ветви, остальные со временем были рассредоточены между Санкт-Петербургом и Варшавой в соответствии с функциями, выполняемыми в Империи. Ее отец, управляющий поместьем, был «чудом» спасен во время советизации территорий в 1939-1941 годах. Однако, когда в 1944 г. вернулась Красная Армия, семья покинула свой дом и укрылась в окрестностях Луцка, в Пшебраче, где собралось много поляков и шла организация для отражения нападений со стороны Украинской повстанческой армии (УПА)⁶. Но наша собеседница не стала останавливаться на обстоятельствах этого слишком болезненного прощания с родовым домом⁷. На самом деле для многих польских волынян изгнание началось, как только они покинули свой дом, еще до отъезда из родной земли, и восприятие последовавшего отъезда было относительным.

Пути семей, давно обосновавшихся на этих территориях, обычно несут на себе отпечаток прежних вынужденных переселений. М. Кучинская вспоминает, что ее дедушка был сослан в Сибирь после польского восстания 1863 г.; г-н Мрозек прослеживает бурный путь своей семьи по отцовской линии, эвакуированной из региона во время Первой мировой войны⁸. Более 5 млн жителей западных губерний Российской империи действительно были выселены из своих деревень и городов, расположенных

⁵ Речь Б. Берута 27 августа 1945 г. воспроизведена в сборнике: (Basiński., Adalińskiej 1974: 391).

⁶ Украинская повстанческая армия (УПА) – подпольное боевое подразделение украинских националистов, сложное по составу и организации, действовавшее с 1942 до середины 1950-х годов, главным образом, в районах Галиции, Волыни, Северной Буковины и Транснистрии в первую очередь против Советской Армии, советской администрации и партизан, поддерживающих связь с Москвой, но также с различной степенью активности против поляков и германских нацистов. В отдельные периоды УПА насчитывала от нескольких десятков до несколько сотен тысяч человек, и под их контролем временами находились достаточно обширные территории. Действия подразделений УПА против польского населения в Волыни и Галиции носили крайне ожесточенный характер. В некоторых случаях польские села вынуждены были создавать отряды самообороны против боевиков УПА, в результате чего столкновения были особо кровавыми. Вплоть до начала 1945 г. УПА не отказывалась от своих планов деполонизации Украины.

⁷ Интервью с Elżbieta B., проведено автором в Варшаве, ноябрь 2008 г. Здесь и далее все интервью, проведенные автором, были организованы в рамках проекта «Les Archives sonores du Goulag en Europe (gulagmemories.eu)».

⁸ Интервью с М. Kuczyńska, Вроцлав, июнь 2008 г.; интервью М. Mrozek, Варшава, ноябрь 2008 г.

в прифронтовой полосе, и большинство из них было отправлено в тыл в глубь России (Gatrell 1999). От одной войны к другой периферийные территории империй и государств оказывались на передовой во время военных противостояний. Ощущение повторения истории сильное: «Для нас, жителей приграничья, войны всегда означают уход на восток», – прокомментировал г-н Мрожек, имея в виду депортацию 1940 г., затронувшую некоторых из его родственников. Контексты 1915 и 1940 г., впрочем, не имели ничего общего, но для этого уроженца окраины вынужденное переселение отца в Ростов в 1915 г. и высылка двоюродного брата в Казахстан в 1940 г. имели странное сходство: и того, и другого отправили на восток.

Все еще яркая семейная память о прошлом опыте не ограничивалась воспоминаниями о сильных и болезненных встрясках, вызванных войнами или восстаниями. Потому что в межвоенный период происходили интенсивные перемещения населения, связанные с реконфигурацией территорий, с новыми формами социальной мобильности, предложенными возрождающимся Польским государством, в частности, путем проведения политики колонизации земель в восточных областях, на Волыни, Галиции, что привело к значительной волне колонизационных переселений.

В дальних восточных уголках польских земель, олицетворявших менее развитую «Польшу Б»⁹, заселение территорий поляками было одним из первопроходческих проектов варшавского правительства. Наделение земель ветеранов Польского легиона, участвовавших в польско-русской войне 1920 г., составляло первую часть этого проекта. Приглашение бывших комбатантов поселиться в районах, которые тогда были польско-советскими приграничными районами, помогло сформировать в советском соседе определенное видение поселенца, осадника, по определению патриота и антибольшевика, даже если этих поселений было явное меньшинство, не превышавшее 7 тыс. дворов (Głowacki 1994a)¹⁰. Однако рядом с военными поселениями селились многие бедные семьи из центральной Польши, приехавшие на окраины из-за низкой цены на землю или предложений работы в местной администрации, на железных дорогах, в лесном управлении¹¹. На некоторых из этих должностей выделялись большие участки обрабатываемой земли, что помогло привлечь домохозяйства с перспективой дополнительного дохода или частичной самообеспеченности. Эти поселенцы, если не поощряемые, то, по крайней мере, обеспеченные стабильностью сельской жизни,

⁹ Польша «А» и «Б» (польск. Polska "A" i "B") – феномен исторического, политического, культурного и экономического разделения страны на 2 части: более развитую западную (Польша А) и уступающую ей в развитии восточную (Польша Б). Считается, что Польша Б более религиозна и традиционна, а Польша А более космополитична и европоориентированна. Подобное разделение страны является неофициальным и довольно поверхностным, но тем не менее широко признано в Польше. Исторические корни раздела Польши на зоны А и Б можно найти в различной политике, проводившейся в отношении польских земель государствами, осуществившими Разделы Речи Посполитой. В частности, Пруссия развивала индустрию, а Россия больше заботилась о развитии сельского хозяйства (прим. ред.: см. (Kozak, Pyszkowski, Szewczyk 2000)).

¹⁰ По мнению историка А. Głowacki, размещение военных поселенцев, имевшее место в основном до 1926 г., касалось территорий севера Польши, Волыни, Полесья, района Белостока и Новогрудка и затем только частично область Вильно.

¹¹ Следует помнить, что точно оценить влияние феномена колонизации на демографическую историю Западной Украины невозможно. Первая польская перепись 1921 г., не очень детальная, охватила лишь часть польских территорий в этом регионе. Только перепись 1931 г. является источником для этого периода, но не позволяет проводить сравнения с более ранним и более поздним периодом (до советской переписи 1959 г.).

образовывали большие семьи. Многие из детей, которые разрывались между школой и полем или огородом, рассказали свою историю¹². Ностальгия поколения, родившегося и/или выросшего на окраинах в межвоенный период, выражается в памяти о мирной сельской местности «в этих краях» (*tamtych terenach*), где в селах соседствовали поляки, евреи и украинцы. Мы не находим упоминаний о межобщинной напряженности до тех пор, пока в их свидетельствах не появится война, даже если она присутствует в романах, особенно еврейских писателей из этих регионов (Morgenstern 1998; 2000; 2001). Когда в 1939 г. пришла Красная Армия, поселенцев, несмотря на скромность их жилищных условий, очень часто уподобляли кулакам или вражеским военным поселенцам.

И наоборот, восстановление польского государства способствовало миграции в центральную Польшу. Эти мужчины и женщины из городов Галиции, обученные серьезным административным традициям Австро-Венгерской империи, приехали, чтобы привнести свои навыки в центральные учреждения столицы. В этих маршрутах социального продвижения родина стала местом отдыха. Ян Белина, например, представлял себя типичным ребенком с окраины, воспитанным бабушкой в деревне, вдали от шума и суеты Варшавы, куда его родители поселились после назначения отца в министерство иностранных дел (Belina 1990-1993: 27). В 1939 г. война, разразившаяся в середине летнего периода, застала врасплох многих из этих отдыхающих, находившихся в своих родовых владениях, тем самым направив их судьбу на восток.

В конечном счете то, что вытекает из всех этих историй, представляет собой довольно двойственную ситуацию на окраинах, характеризующуюся притязанием на историческую укорененность, частично подтвержденную, но также и живой памятью о большой мобильности, вынужденной или спонтанной. Несомненно, окраины являются местами расселения более мобильными, чем другие части государственных территорий. Кресы¹³ не являются исключением из правил, и в случае с Польшей это явление усугубляется эффектом мобильности (или даже исчезновения) самой государственной территории. Отсюда следует, что связь людей с их национальным пространством, идентичностью может быть детерриторизована.

Как воспринимались вынужденные переселения?

«Не поймите меня неправильно, меня эвакуировали, а не депортировали», – признавалась эта бывшая учительница, родившаяся в Ходорове¹⁴. Или еще: «Мне нечего сказать о моей истории, я репатрировался со всеми поляками, я не вернулся из Сибири»¹⁵. Рассказанные и пересказанные, каждое по-своему, в качестве преамбулы к историям об эвакуации, о которых мы просили рассказать, эти замечания так часто декларируются людьми,

¹² Мы ссылаемся здесь на разные коллекции свидетельств, собранные центром «Карта» (Варшава), объединением «Związek Sybiraków» (Związek Sybiraków 1990-1993), опубликовавшим в 1990 и 1993 г. 9 томов записанных историй, а также материалы, выпущенные в рамках проекта «Les archives sonores du Goulag en Europe», поддержанного l'Agence nationale de la recherche (ANR) – правительственного агентства во Франции, обеспечивающего финансовую поддержку научных исследований.

¹³ Кресы, Восточные Кресы (от польского «крес» – граница, конец, край) – польское название части земель в Галиции, Западной Украине, Западной Белоруссии и Литвы, некогда как «восточные окраины» входивших в состав Польши. Польские жители этих территорий, в том числе репатриировавшиеся в Польшу, могут называться кресовянами (прим. ред.).

¹⁴ Интервью с Mme Tuczynska, Варшава, ноябрь 2008 г.

¹⁵ Интервью с M. Mazur, Варшава, ноябрь 2008 г.

что в конечном итоге вызывают сомнение: нюансы, связанные с опытом переезда, отражают ли они влияние прошедшего времени и эффект расстояния, что сказывается на представлении путешествий, или они все еще выражают чувство тогдашнего меньшего зла по сравнению с другими, гораздо более трагичными переживаниями, такими как депортация? Вопрос остается нерешенным. Однако ясно одно: польское видение советской аннексии и возвращения Красной Армии запечатлено в свидетельствах уже разыгранного ранее исторического сценария, в котором русский сосед завоевывает Польшу и отправляет на дальние окраины самых влиятельных представителей порабощенного народа. Аннексия и депортация идут рука об руку.

Действия по советизации территорий принимали различные формы, самой крайней из которых была ликвидация более 22 тыс. поляков, т. е. более 15 тыс. офицеров польской армии и 7 тыс. гражданских лиц, представителей из различных сфер бывшей законной власти ¹⁶. Хотя это коллективное убийство было совершено в условиях строжайшей секретности и лишь впоследствии стало известно под символическим названием Катынь (одна из трех братских могил, обнаруженных немцами в 1943 г.), аресты и депортации производились у всех на виду. В 4 волны, 3 из которых были сконцентрированы проведены в первые 6 месяцев 1940 г. ¹⁷, около 400 тыс. человек направились на восток товарными вагонами, следовавшими в основном на Север Европейской части, на Урал, в Среднюю Азию, Сибирь, включая Алтай. Хотя эта оценка, теперь хорошо задокументированная ¹⁸, была намного ниже полутора миллионов депортированных ¹⁹, о которых объявило польское посольство во время войны, тем не менее эта цифра остается значительной: она составляет треть численности польского населения, эвакуированного из Украины в конце войны (Gross 2002). Другие ограничения, введенные советской властью, были приравнены к формам депортации, таким как насильственное зачисление тысяч молодых людей в Красную Армию, которым приходилось покидать свои дома для обучения военной дисциплине. Кампания по паспортизации, это авторитарное наделение людей новыми документами, удостоверяющими личность, санкционирующими новое советское гражданство жителей, также привела к насильственному выселению на шахты Донбасса или в другие места на востоке Украины. Все те беженцы из центральной Польши, бежавшие от немцев и оказавшиеся на территории, оккупированной Советской Армией, и которые не могли подтвердить свое постоянное место жительства, теперь должны были покинуть регион и отправиться на восток (Gross 2002; Głowacki 1998).

¹⁶ Письмо Берии от 5 марта 1941 г. воспроизведено, в частности, в работе: (Instytut Studiów Politycznych... 1992).

¹⁷ Слухи о грядущих депортациях поляков ходили еще с ноября 1939 г. Однако операции по их массовому выселению начались только в 1940 г. и были продолжены в 1941 г. вплоть до нападения Гитлера на СССР. Как логично предполагает П. Полян, задержка могла возникнуть в связи с советско-финской войной (Полян 2001: 95-96).

¹⁸ Так, по оценке А. Гурьянова, основанной на детальных подсчетах по эшелонам, численность поляков, депортированных с февраля 1940 по июнь 1941 г., составила в общей сложности от 309 до 321 тыс. (Гурьянов 1997). По данным Земскова, всего было депортировано 380 тыс. польских «осадников» и беженцев (Земсков 1990).

¹⁹ П. Полян считает, что всего из довоенной Польши в СССР было вывезено 1,6-1,8 млн человек, не считая белорусов, литовцев и евреев (Полян 2001: 98). Нам представляется такая оценка завышенной. В любом случае она должна в себя включать не только насильственно депортированных в строго организованном порядке, но охватывать и прочие категории переселенцев, трудно поддающихся учету.

Крайняя чувствительность поляков к угрозе депортации дала о себе знать, как только Красная Армия вернулась в 1944 г. Руководство прекрасно понимало это и уже весной 1944 г. призвало краевые власти подготовить контингенты поляков с Волыни для отправки их в Донбасс. Осенью Н. Хрущев в письме к Сталину изложил свою технику подстрекательства к добровольной эвакуации меньшинства, состоявшую как раз в размахивании угрозой массовой отправки поляков на предприятия в Восточной Украине. Лучше идти на запад, чем подвергаться риску пойти в противоположном направлении, – такова была массовая и бросающаяся в глаза реакция на волну репрессий, обрушившихся на Западную Украину в первые месяцы 1945 г. Решение принято, но ожидание отъезда часто казалось долгим.

Организация переселений: польский корпоративный подход

Украинские власти неоднократно обвиняли своих польских коллег в том, что они не смогли спланировать отъезд. Но после первых попыток польские сотрудники, напротив, покажут обостренное чувство организованности, что могло вызывать по другим причинам критику и подозрение²⁰. Общий принцип, который преобладал в польской концепции переселения с Украины на родину, был принципом «трансплантации». Сохранение по возможности уже сложившихся объединений и общин, будь то деревенские общины, профессиональные группы, церковно-приходские ячейки, стало одним из основных направлений плана переселения и заселения поляков в новых западных областях Польши, отвоеванных у Германии. Именно путем сохранения сетей солидарности, интересов, навыков при организации отъездов и планировании конкретных направлений переезда польские власти намеревались оптимизировать перераспределение экономических и социальных сил на запад, ограничивая, по возможности, отрицательные последствия массового перемещения населения. В своих рассказах участники событий в значительной степени повторяют эту озабоченность:

«Мы приехали в Ходоровский район в 1930 г., потому что у моего отца там был дальний родственник с большой семьей, а земля в то время стоила недорого. Это была идея моего отца поехать туда, поселиться рядом с этими знакомыми, и действительно, это была хорошая идея. Они нам очень помогли [...]. В конце концов мы вместе уехали в Ополе [Нижняя Силезия] вместе с другими семьями из деревни. Потом [...] мы разъехались, я поехал учиться в Варшаву, а мой брат [...] в конце концов женился на дочери двоюродного брата знакомого [...]. Мы по-прежнему большая семья, мы никогда потом не были там,

²⁰ Здесь уместно напомнить, кем были польские руководители, занятые переселениями. Главные администраторы, даже будучи лояльными служащими нового польского руководства, в большинстве являлись бывшими репрессированными в Советском Союзе. В Люблине главным руководителем переселения (как из восточных регионов СССР, так и из новых западных, ранее польских, территорий) был Владислав Вольский, коммунист с большим партийным стажем. Пережив заключение в польских тюрьмах, в середине 1930-х годов он уехал в Москву, где вновь подвергся аресту и был в лагере вплоть до 1941 г. Это не помешало ему в конце войны приехать в Люблин и предложить свои услуги Болеславу Беруту, одному из руководителей Польского комитета народного освобождения. Главой польского представительства на Украине был капитан Пизло, инженер-агроном, депортированный в 1940 г. и вернувшийся на родину уже в чине капитана созданной в Советском Союзе польской армии. Большинство польских уполномоченных тогда прибыло с востока СССР (Клейн-Гусефф 2013: 81).

но мы разговариваем друг с другом [...], наш Ходоров – это кусочек земли, который свел нас вместе в то время и который объединяет нас всегда в памяти»²¹.

Г-жа Волинска, в то время подросток, дочь учителей из лицея во Львове, вспоминает встречи, организованные в квартире ее семьи. Сотрудники учреждения собирались там, чтобы обменяться информацией об условиях отъезда, решить, какое школьное имущество взять с собой для восстановления школы на новом месте в Польше. Состоялись дебаты, в частности, о том, следует ли требовать, чтобы парты и другая классная мебель были частью транспортировавшегося груза²².

Инициативы отдельных лиц и польских должностных лиц по эвакуации приумножались, становились планами последовательных мероприятий, и из Польши администрация по репатриации обеспечивала максимально скоординированную подготовку к отъезду. Это видно, например, из длинных писем, которыми обменивались в конце мая – начале июня 1945 г. по поводу организации перемещения Львовской филармонии. Переезд касался более 500 человек, потому что, помимо музыкантов оркестра, в состав музыкального коллектива входили большой хор, а со всеми этими артистами и члены их семей. Поэтому было необходимо спланировать целый поезд, чтобы перевозить этих людей, их инструменты (в том числе 40 роялей и столько же пианино), не говоря уже о прочей мебели и личных вещах. Десятки объемных частных библиотек были частью инвентаризации среди прочего. Оставалось решить, куда направить филармонию, и в этом вопросе собеседники колебались между Катовице в Силезии и Лодзью, недалеко от Варшавы²³. В то время в Лодзи жили тысячи жителей Варшавы, чьи дома были разрушены. Ставился вопрос о том, чтобы сделать Лодзь новой столицей Польши и окончательно оставить Варшаву в руинах. И новое место размещения филармонии считалось важным вопросом «на службе демократической пропаганды новой Польши». С одной стороны, музыкальный коллектив был активом для повторной полонизации Катовице, города, на который немцы и поляки претендовали после Первой мировой войны, который поляки наконец завоевали и который немцы стремились повторно германизировать во время Второй мировой войны. С другой стороны, Лодзь навязывала себя в качестве замещающей столицы, ожидающей признания этого статуса.

Отъезд филармонии был одной из первых крупных операций по переводу национальных учреждений, за которой вскоре последовали многие другие, в первую очередь Львовский университет. Университет Яна Казимира с момента своего основания в XVII веке был одним из крупных интеллектуальных центров Польши, чье влияние было почти непрерывным во времена правления Габсбургов и который вместе с Виленским университетом составлял главный полюс высшего образования на окраинах. Как Политехнический институт и другие учреждения галицкой столицы, университет был реорганизован во время первой советизации, его управленческий и преподавательский состав изменились в пользу новоприбывших украинцев. Свидетельница этих изменений Каролина Ланцкоронска отметила напряженность, возникшую между Москвой и Киевом вокруг символического вопроса о переименовании учреждения. Если киевское

²¹ Интервью с Mme Tuczynska, Варшава, ноябрь 2008 г.

²² Интервью с M. Wolinska, Варшава, ноябрь 2008 г.

²³ AAN. Ф. 524. Д. 10: 107-111. «Переписка между Вольским, Szczesniowski и Пизло по поводу переезда Львовской филармонии».

руководство настаивало на названии «Украинский университет имени Ивана Франко»²⁴, то в Москве упоминание «украинского» университета, вызвав недовольство, было удалено, но лишь временно, благодаря давлению ходатайств украинской интеллигенции (Lanckorońska 2002: 40-41). Кампания советизации, осуществлявшаяся во имя права народов на самоопределение, показала определенное расхождение целей между центром и периферией: Москва опасалась поощрения украинского национализма, киевляне поддерживали, очевидно, политику «воссоединения». Захват университета и процесс украинизации учреждения не помешали некоторым кафедрам продолжать свою деятельность, как будто ничего не изменилось. В частности, это касалось кафедры польской литературы, которой руководил Юлиуш Кляйнер и которая была единственной во всей оккупированной Польше, сохранявшей активную и блестящую деятельность²⁵. С приходом немцев гуманитарные факультеты исчезли, а медицина и техническое образование, напротив, приобрели определенный динамизм, отныне функционируя как отдельные институты (Hryciuk 2000). Когда советская власть вернулась, университет был собран заново и окончательно украинизирован. К концу войны бывший профессорский корпус потерял не менее 50 членов. За некоторыми исключениями, преподаватели покидали Львов, чтобы начиная с 1946 г. дать жизнь новому польскому университету во Вроцлаве (бывший Бреслау). Полонизация старых немецких городов частично происходила через эти сохранившиеся коллективы, перед которыми была поставлена задача внести свой вклад в восстановление страны, предоставив свои компетенции и умения. В этом заключался смысл политики, проводившейся с самого начала репатриационной администрацией, которая состояла в том, чтобы отличать городское население от сельского и отдавать предпочтение первому из-за его ожидаемой роли в восстановлении нации.

Каким бы эффективным ни был корпоративистский подход к организации перемещений, возглавляемый или поощряемый польскими официальными лицами, украинские власти отнеслись к этому с подозрением. Они видели в стимулировании объединения сообществ благодатную почву для заговора, для нарушений правил. Организовавшись, поляки вырывались из-под контроля местных властей. Для борьбы с этой тенденцией к автономии и корпоративизму органы советской безопасности произвели несколько арестов «агитаторов», а также назначили людей, отвечающих за определенные логистические задачи по подготовке отъезда. Бывшего железнодорожника из Львова обвинили в том, что он руководил организацией колонны из 1000 польских железнодорожников с их семьями. На том основании, что последний получил деньги от железнодорожников за этот выезд, он был обвинен в злоупотреблениях и арестован в августе 1945 г.²⁶ Союз польских патриотов (ZPP) регулярно клеймили в отчетах органов безопасности за их инициативы по объединению людей по профессии, но ничего не помогало. В январе 1946 г. сотрудник НКГБ, руководивший эвакуацией, вновь вернулся к вопросу о «незаконной» деятельности ZPP, который организовал пункты помощи для эвакуированных из Львова, регистрируя их в списках по профессиям.

²⁴ Иван Франко – украинский поэт и писатель второй половины XIX века, участвовавший в социалистическом движении, впоследствии ставший одним из эталонов украинской культуры, выдвинутым на роль певца нации в Советской Украине.

²⁵ Согласно дневнику Яна Роговского, в то время профессора университета, цитируемому в работе: (Hryciuk 2000: 133-134).

²⁶ ААН. Ф. 524. Д. 10:4. «Донесение ответственного за эвакуацию из Львова от 24 августа 1945 г.»; ЦДАВОУ.Ф. 4959. Оп. 6. Д. 116: 94-95. «Отчет Коноваленко от 29 августа 1945 г.»

Он писал: «необходимо иметь в виду, что, возможно, под предлогом помощи этим группам она [ZPP] стремится скорее обмануть людей». После чего агент указал, что ZPP организовал сбор средств среди учителей Львова и что собранные деньги в конечном итоге были конфискованы НКВД²⁷. Практика сбора средств, материализация организованной солидарности была одним из основных фокусов внимания советских органов, которые не переставали ее осуждать и использовать как аргумент для изгнания «агитаторов». В то же время, однако, широко распространенная коррупция в службах регистрации и выезда не пострадала от бдительности тех же органов. Зачем же тогда сообщества объединялись в финансовом плане, если не для удовлетворения денежных требований всемогущих местных администраторов, которые лишь давали бумаги или сажали в поезд за непомерные взятки? Круг был порочным, но «порок» разоблачался в основном среди жертв.

Незавершенная нормализация переселений

Несмотря на многочисленные инциденты, эвакуация Львова летом 1945 г. шла с крейсерской скоростью. «Город опустел, центр занят русскими. Вечером улицы пустеют, и люди уже не чувствуют себя в безопасности в своих домах». «Остается вопрос: с чем уйти и почему остаться. Везде безнадежно и положение ужасное. Очевидно, что мы будем уезжать». «Поляки массово уходят». Все эти перехваченные письма жителей Львова говорили об одном и том же: польский бастион Украины неумолимо рушился к большому удовольствию местных властей, которые читали и проверяли отчаянные слова непокорных²⁸. Но этого нельзя было сказать обо всех областях Украины и, в частности, о Дрогобыче, где после больших регистрационных кампаний в начале 1945 г. накопились проблемы. Основной причиной была политика местных властей, которые под разными предложениями препятствовали эвакуации поляков. Этот промышленный район, развившийся вокруг Дрогобыч-Бориславского нефтеносного бассейна, был едва ли не самой динамичной экономической зоной Западной Украины. Развитие его требовало значительной рабочей силы, а также квалифицированного персонала, и многие поляки работали рабочими или инженерами. Когда в марте 1945 г. регион посетил заместитель полномочного представителя Польши Кравинский, он уже указывал на трудности, с которыми столкнулся Дрогобыч. Польское меньшинство в городе, по его словам, включало в себя многих инженеров, техников, мастеров, учителей, которых местные власти отказались уволить, потому что у них не было специалистов для их замены. Этот регион, продолжал Кравинский, также был специфическим, поскольку многие поляки были грекокатоликами. Украинские сотрудники указывали на принадлежность к этой конфессии, чтобы лишить решивших уехать статуса поляков²⁹. В то время центральное польское агентство в Луцке получило несколько жалоб от своих региональных чиновников, например, в Злочеве, к востоку от Львова, в которых подробно описывалась партийная пропаганда против эвакуации. Областные власти утверждали, «что и здесь, и там [в Польше] царит одна и та же советская власть, и что здесь нужны люди для работы»³⁰. Нежелание и препятствия к выезду можно было наблюдать в разных местах, но чаще всего

²⁷ ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.1. Д. 112: 168-173. «Отчет НКГБ от 1 января 1946 г.»

²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1630: 6-28. «Отчеты Грушецкого из Львовского обкома от 30 июля и 25 августа 1945 г.».

²⁹ ААН. Ф. 524. Д. 10: 141. «Отчет миссии Кравинского, состоявшейся 14-20 марта 1945 г.».

³⁰ ААН. Ф. 524. Д. 9: 37. «Письмо ответственного в Злочеве от 31 марта 1945 г.».

они оказывались преходящими. С другой стороны, из Дрогобыча и его окрестностей, как и из Бориславля, поступали постоянные сигналы об удержании поляков. Чтобы удержать работников, компании не выплачивали им зарплату или банки блокировали личные счета под разными предлогами³¹. НКВД также заявил о нарушениях в эвакуации из этого региона. Группы уезжающих поляков, которые уже прибыли на станцию, в последний момент «не успевали» на поезд. Украинский чиновник конфисковал все эвакуационные карточки и приказал им вернуться к работе. Когда люди начали протестовать и бунтовать, он пригрозил отправить их в Сибирь³². Несмотря на неоднократные вмешательства центральных эвакуационных органов, препятствия для миграции польских меньшинств в Дрогобычском районе были устранены очень поздно³³. Из примерно 50 тыс. зарегистрированных поляков большинство (40 тыс.) смогли выехать только в 1946 г., что является рекордной долей очень поздних эвакуаций (86%) по сравнению с выездами из других областей Украины за этот последний год репатриационной кампании (Czerniakiewicz, Czerniakiewicz 2007: 117)³⁴.

Случай с Дрогобычем – хорошее доказательство того, что невозможно вывести какое-то одно общее представление о порядке переселения поляков с Украины. Интересы местных акторов постоянно оказывались препятствием. В других местах, как в Тернопольском районе, в течение последнего года отъездов возобновились нападения банд украинских националистов. Тем не менее двусторонние переговоры и новые процедуры позволили улучшить условия перемещения людей. Визит в конце августа Станислава Грабского во Львов, в котором он когда-то преподавал, сыграл определяющую роль с этой точки зрения. Вице-спикер Польского Национального собрания, имевший опыт участия в переговорах о границах после советско-польской войны, зарекомендовал себя на Украине как ключевой собеседник в польско-украинских отношениях. Ценность его голоса для польского меньшинства была еще выше благодаря тому, что Грабский вряд ли мог сойти за коммуниста. Напротив, он был, скорее, патриотом-консерватором с некоторым налетом русофильства, но и в то же время реалистом, который призывал поляков покинуть окраины, чтобы начать новую жизнь на «возвращенных землях» – так уже начали называть новые польские территории на Западе.

После его первого визита польской стороной был подготовлен проект протокола о перемещениях, целью которого было получение новых гарантий проведения эвакуации. Этот текст был лишь частично принят украинской стороной, и исправления, внесенные в Киеве, наглядно подтвердили нежелание, которое проявлялось в отношении любой польской инициативы по этому вопросу. Так, пункты II и III, предлагающие создать комитеты граждан для усиления организации эвакуации во Львове и для подготовки заранее приема эвакуированных в районах назначения, были исключены. С другой стороны, польская сторона получила некоторые гарантии, касающиеся материальных условий перемещений. Требование, ранее сформулированное Генеральным уполномоченным Польского правительства по репатриации в Любине В. Вольским, о том,

³¹ ААН. Ф. 524. Д. 22: 112. «Письмо Пизло от 9 июня 1945 г.».

³² ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.1. Д. 112: 132-135. «Донесение НКВД в Луцк от 10 августа 1945 г.».

³³ Одна из причин, которая может способствовать объяснению длительного удержания поляков, могла быть связана с тем, что район Дрогобыча как новый приграничный регион, по-видимому, усиленно наполнялся кадрами, прибывшими с востока Украины, относительно равнодушными к необходимости этнической гомогенизации населения (Воецх 2007: 155-164).

³⁴ В Самборском районе также был очень высокий процент отъездов, превышавший 50% (55%) в 1946 г.

чтобы семьи перевозились в закрытых вагонах, а не в так называемых вагонах «под открытым небом», как это часто бывало до того времени, наконец было принято. Украинцы также обязались предоставить здание возле вокзала Львова для укрытия людей, ожидавших транспортировки, во избежание скопления семей на станциях и чтобы львовские семьи, зарегистрированные до конца декабря, не выезжали до весны 1946 г.³⁵. Эти немногочисленные достижения скромно отражали «дух Потсдама», где уважение к «человеческим условиям» переселений ограничивалось здесь желанием уберечь мигрантов от непогоды и от суровой зимы. С другой стороны, проект протокола еще раз перенес срок регистрации отъезжающих до 31 декабря 1945 г.

С момента подписания двустороннего соглашения в сентябре 1944 г. сроки регистрации лиц и окончания эвакуации не переставали изменяться. Крайний срок отъезда был сначала установлен на 1 февраля 1945 г., затем на 1 мая, затем на 31 июля... И так отсрочки продолжались до середины 1946 г. История этих сменявших друг друга deadlines свидетельствовала не столько о нереалистичном оптимизме, сколько о средстве давления Киева на своих польских союзников. Последние, по сути, опасались риска внезапной остановки процесса эвакуации и буквально воспринимали установленные коллегами сроки. В феврале 1945 г. В. Вольский напомнил, что продление срока отбытия до 1 мая должно быть обязательно соблюдено³⁶. В мае Пизло в беседе с региональными властями сообщил им, что из неофициального источника он узнал, что сроки будут продлены до 31 июля, но, вероятно, это будет последнее продление³⁷. Однако за несколько дней до отправки этого послания заместитель полномочного представителя Украины в Люблине Ромащенко распорядился со своей стороны заказать 100 тонн дров для отопления здания для своей делегации, предвидя зиму 1945-1946 гг.³⁸ Другими словами, украинская делегация в Люблине не заботилась о сроках, прекрасно понимая, что они будут отодвигаться столько, сколько потребуется. Однако в декабре 1945 г. императив скорейшего завершения перемещений населения был сигнализирован из Москвы и касался миграции как из СССР в зарубежные страны, так и из зарубежных стран в СССР (Gousseff 2007). С этого момента приказ будет распространяться на всех. Сталинское руководство считало, что пора положить конец смутному периоду окончания войны и восстановить советский дух, начав с закрытия внешних границ страны.

Последняя уступка, включенная в двустороннее протокольное соглашение, касалась предметов религиозного назначения, перевозку которых украинские власти обязались разрешить и которые, как вспоминал Станислав Грабский во время своего второго визита во Львов, опять-таки представляли собой важную гарантию в глазах поляков. Вернувшись в галицкую столицу для доработки текста, Грабский вновь выступил несколько раз перед соотечественниками³⁹. Он сообщил о согласованных с украинской стороной новых сроках

³⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1464: 19-21. «Проект протокола об эвакуации, составленный Я. Берманом и С. Грабским, 20 сентября 1945 г.». Аналогичным образом был исключен пункт VII, касающийся возможности для эвакуированных как из Польши, так и с Украины, совершить несколько поездок туда и обратно, чтобы перевезти все свое имущество (последний пункт касается сельского населения).

³⁶ Протоколы Совета министров от 13 февраля 1945 г., воспроизведено в работе (Ciesielski 1999: 91).

³⁷ ААН. Ф. 524. Д. 10: 48. «Письмо Пизло своим агентам от 19 мая 1945 г.».

³⁸ ААН. Ф. 526. Д. 160-А: 105. «Письмо Ромащенко от 13 мая 1945 г.».

³⁹ Эти дополнительные протоколы к польско-украинскому соглашению не были подписаны до декабря 1945 г. См. польскую версию текста: (Ciesielski 1999: 325-326); украинскую версию в: (Сливка 1996-1999, 1: 646-647).

выезда, заявив по этому поводу, что дружба с СССР является для Польши единственной гарантией против разрушительных национализмов ⁴⁰. Новый польский режим нашел в Грабском своего идеального посла.

Прибытие на «возвращенные земли»: пересечения грандиозных по масштабам потоков

Первые эвакуированные с Украины были направлены в основном в Силезию, в районы Катовице, Ополе и Вроцлава и в меньшей степени в Зелену Гуру. С весны 1945 г. Государственное управление репатриации (PUR) организовывало пункты размещения и приема для эвакуированных. Но ситуация была, мягко говоря, хаотичной. Советская армия оккупировала большую часть территории и по стратегическим соображениям регулярно отклоняла прохождение конвоев, отправляла их обратно в другие пункты, в то время как сотрудникам репатриационной администрации, призванным организовывать прием, планировать переезды, не удавалось наладить координацию, не хватало информации, личного состава и оборудования. Во многих официальных отчетах и во многих письмах эвакуированных рассказывается о реальных одиссеях, прожитых в поездах, мчащихся из одного места в другое, заблокированных на несколько дней на заброшенной или разрушенной станции. Только после нескольких недель таких путешествий находилось пристанище. Репатриант из Львова писал в мае 1945 г., что колонна, в которой он ехал, проехала половину Польши, проехала через Краков, чтобы в конце концов оказаться в Люблине! Мужчина подал жалобу на администрацию по репатриации, на которую он возложил вину в гибели его ребенка во время поездки, на отсутствие организации и медицинской помощи (Ciesielski 1999: 164-165). Среди прочего в отчете местного агентства PUR в Ополе сообщалось о прибытии конвоя из Тернополя, в котором вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Пять человек погибли при транспортировке, многих пациентов в конце концов удалось госпитализировать в военный госпиталь города (Ciesielski 1999: 147).

Уже в то время эвакуированные были не единственными, кто стекался в новую польскую Силезию. Многие семьи из центральной Польши устремились на запад или потому, что их город был разрушен, или потому, что они были перемещены немцами или слышали о новом Эльдорадо, которое нужно было завоевать. Эти пионеры значительно пополнили контингенты прибывших весной 1945 г. К середине мая в район Познани ежедневно прибывало в среднем 5 тыс. человек. В Катовицах было принято более 25 тыс. человек, и это было только начало большой волны миграции на «возвращенные земли» ⁴¹. Вскоре к этим движениям добавится возвращение поляков, отправленных немецкими оккупантами на принудительные работы на промышленных предприятиях Рейха, которые будут прибывать из Германии сотнями тысяч. Западные территории стали настоящим перекрестком, где смешались чрезвычайно разные потоки людей, следовавшие траекториям войны и со своим опытом переселений. В итоге польские меньшинства, эвакуированные с востока, составили менее четверти (24%) перемещенного населения.

⁴⁰ ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.2. Д. 112: 149-56. «Информация от Гребченко от 20 октября 1945 г.».

⁴¹ О ситуации на середину мая 1945 г. см., например, доклад о совещании руководителей органов PUR 11-12 мая 1945 г. (Ciesielski 1999: 165-178).

«Европа в движении» – так называлось исследование Евгения Кулишера о войне и ее демографических последствиях ⁴². Часть старого континента была в дороге, все и вся пересекалось на этих путях, в полной какофонии – люди скитались в силу абсолютно разных причин: возвращались подневольные рабочие, военнопленные, беженцы, бежавшие от бомбардировок, перемещенные лица, жертвы нацистских этнических чисток; освобождались узники концлагерей, некоторые из которых двигались вместе без какого-либо пункта назначения, в частности пережившие Холокост... Но к катастрофе войны, которую подчеркивали все эти передвижения, мир также добавил свою долю новых лишений с перемещением польских меньшинств, создав сильное сходство переживаний и опыта. Анджей Зак, назначенный секретарем компартии во Вроцлаве летом 1945 г., вспоминал внезапное появление агентов PUR в своем кабинете:

«Спаси нас, товарищ, – сказали они, входя. – Несколько тысяч человек живут под открытым небом между железнодорожными путями. Пойдемте с нами, они никому не интересны.»

«В тот же вечер я отправился на станцию Брохов. В данном случае это был темный день, шел дождь. Я шел по направлению к грузовой станции, и действительно, между путями был огромный лагерь, над которым плыл дым от нескольких сотен костров.

– Почему всех этих репатриантов высадили именно здесь? – спросил я представителя PUR.

– Эшелон репатриантов вместо того, чтобы высадить в Катовице, был отправлен во Вроцлав, после чего нам были отправлены два незарегистрированных эшелона репатриантов. Один должен был отправиться в Щецин, а другой в Познань. Но так как армии нужны были вагоны, мы выгрузили [людей] здесь» ⁴³.

Стиг Дагерман, молодой шведский репортер, посланный в разрушенную Германию, год спустя писал:

«Под проливным ледяным дождем, в серости Эссена один из этих поездов остановился на станции: так девятнадцать вагонов стояли под дождем неделю [...]. Товарные поезда формируются на разных станциях Баварии, высылаемых загоняют в эти негерметичные вагоны, у которых нет ничего, кроме пола, крыши и стен, и как только путь освобождается, их отправляют в сторону северо-запада. Через две недели один из этих поездов прибывает в пункт назначения, в котором, во-первых, не знают о его прибытии, а во-вторых, не хотят об этом знать. В течение четырнадцати дней пути власти ни разу не обеспечили пассажиров питанием» (Dagerman 1980: 73-74).

Если бы не указания мест, дат и имен заинтересованных лиц, иногда репатриированных, иногда высланных, эти показания можно было бы перепутать. Фактически установление новых границ Польши как на востоке, так и на западе, характеризовалось вынужденной миграцией «новых меньшинств», будь то поляки на территориях, аннексированных СССР, украинцы на востоке Польши, или немцы на западе.

⁴² См.: (Kulischer E. 1948). Именно Е. Кулишеру принадлежит выражение «перемещенные лица» – displaced persons (Тольц 2015).

⁴³ Andrzej Żak, « Pierwsze dni Partii », цитируется по (Thum 2006: 108)

Выезд немцев с новых польских территорий

Перемещение фронта зимой 1944-1945 гг. привело к первой большой «стихийной» волне массового бегства немецких семей, которые, спасаясь от прихода Красной Армии, образовывали огромные конвои на дорогах из Польши в Германию. Массовая паника охватила гражданское население. Ее подогревала нацистская пропаганда, приводившая пример, в частности, массовых убийств, совершенных Красной Армией в октябре 1944 г. среди жителей деревни Немменсдорф в Восточной Пруссии (Ther 1998: 54). Когда Советская армия начала оккупировать территорию, в восточной части Германии находилось от 2 до 3 млн беженцев. Это позволило Сталину подтвердить в Потсдаме, что большая часть немцев уже покинула Польшу. В то время как западные союзники проявляли растущую озабоченность по поводу масштабов миграции, советский лидер придерживался своей риторики о «совершившихся фактах». По мнению Сталина, установление польской границы по линии Одера-Нейсе имело бы лишь незначительные демографические последствия, связанные с прибытием немцев в различные оккупационные зоны страны (Zayas 1989: 81-101). В действительности, однако, большинство немцев все еще находилось в границах современной Польши.

За массовыми перемещениями зимы 1944-1945 гг. весной последовала волна жестоких изгнаний немцев в крайне запутанной обстановке. После первых массовых и панических отъездов зимы многие немецкие семьи стали возвращаться на свои земли, другие прибыли в поисках убежища из Чехословакии. Польские власти, завладев территориями, отмечали, что присутствие немцев не только не уменьшилось, а наоборот, не переставало увеличиваться, при этом речь шла, согласно постановлению ЦК партии, принятому в конце мая 1945 г., о том, чтобы к концу года осуществить их полное выселение (Nitschke 2004: 134). Этот этап диких изгнаний, возглавляемых в первую очередь армией, был вызван как этими возвратными движениями, так и близостью победы и грубым чувством мести, которое высказывалось поляками. Командование 2-й польской армии призывало войска «вести себя по отношению к немцам так, как они вели себя по отношению к полякам во время войны»⁴⁴. На Западе процесс присоединения Познани к рейху и создания в 1939 г. Варшавы стал, с точки зрения насильственных перемещений и применения насилия, первым памятным и долгоживущим эпизодом почти 5 лет спустя. Теперь ненависть могла развернуться в той мере, в какой она была вытерплена. Вновь сформированная милиция вместе с армией сыграла важную роль в экспроприации

⁴⁴ См. работы (Nitschke 2004; Ther 1998). Исторические сведения, относящиеся к истории бегства и изгнания немцев из Центральной Европы, уже составляли в ФРГ важный корпус информации в конце 1950-х годов, хотя тогда эта тема считалась одной из тех, что были монополизированными самыми консервативными силами на периферии немецкой политической сцены и как таковой ей уделяли мало внимания в академических кругах. Очень впечатляющее историографическое обновление началось после воссоединения Германии и официального признания границы по Одере-Нейсе, что помогло снять крайнюю деликатность темы. Столь заметное с 1990-х годов продвижение в поле исторической науки вопросов добровольных и вынужденных миграций населения, этнических чисток, принудительных перемещений несет на себе отпечаток впечатляющего возобновления работ, посвященных перемещению немцев. Монографии, с одной стороны, и многочисленные вклады отдельных авторов в коллективные работы, с другой, подчеркивают это обновление, динамизм которого проявляется до сих пор. Подробнее об этом явлении см. коллективную работу под редакцией Стивена Б. Варди и Т. Ханта Тули (Vardy, Tooley 2003). Как по разнообразию подходов, так и по месту, отведенному немецкой теме, эту публикацию можно рассматривать как характерный пример. О том, что эта тема остается до сих пор актуальной, см. работу (Douglas 2012).

домохозяйств, совершая многочисленные злоупотребления в отношении населения, виновного в том, что оно было немцами. Оценки волны изгнания весной 1945 г. и сегодня остаются весьма противоречивыми и варьируются, по данным авторов, от 200 тыс. человек до более 1 млн (Nitschke 2004: 147).

Переход от этой фазы большого произвола к этапу организованных отъездов произошел только со временем. Рекомендации Потсдама о порядке и гуманности, которые должны регулировать эвакуацию населения, не были услышаны, по крайней мере, до середины 1946 г., в течение которого более 1,5 млн немцев покинули Польшу.

В какой степени жизненный опыт перемещений на восточной границе Польши может сравниться с опытом на западной границе? Сроки, условия и организация выездов различались. Немцы не уезжали по принципу добровольности, не имели права забирать свое имущество, кроме нескольких десятков килограммов вещей, не могли воспользоваться помощью, по крайней мере до 1946 г., соответствующей национальной администрации, которой вменялся контроль за их миграцией ⁴⁵. Тем не менее, как мы видели, гарантии эвакуации поляков во многих случаях носили чисто формальный характер. Что касается выезжающих из Польши украинцев, то условия эвакуации в 1946 г. сводились к формам жестокого изгнания. Что же касается немцев, то они несли в себе ни с чем не сравнимую особенность, которая должна была олицетворять проклятую, даже преступную нацию, и их история не ограничивается историей изгнаний, она включает в себя массовый опыт интернирования, арестов, депортации в СССР, не говоря уже о многих унижениях, которые они пережили только из-за того, что они немцы (Hirsch 1998). Тем не менее, если мы наблюдаем государственную практику, а точнее разрыв между провозглашаемыми принципами и их применением, то различия значительно сокращаются. Новые польские власти, воспитанные на примере советского союзника, воспроизвели крайнюю уверенность в своем праве на несправедливость и насилие по отношению к немецкому населению на новых западных территориях.

Цепи насилия на этих новых территориях способствовали различные факторы, и в первую очередь давление, оказываемое самой миграцией стихийной (как массовый приезд первых волн переселенцев из центральной Польши) или организованной (в случае эвакуации с Украины). Начало варварского изгнания немцев совпало с первыми большими волнами прибытия на «возвращенные земли». В этот ключевой период компенсационная политика, отстаиваемая в Москве, начала обретать полное значение. То, что поляки потеряли на востоке, они нашли на западе, не только пашню, но и животных, жилища, мебель и даже продовольственные запасы немецких семей, изгнанных из своих домов или находящихся на грани смерти. Изгнание одних и поселение других происходило почти одновременно, однако нам не удалось оценить роль новоприбывших. Помогали ли новые поселенцы, собиравшиеся захватить территорию, солдатам, милиционерам? Нет свидетельств этого явления.

⁴⁵ В пределах советской оккупационной зоны была создана администрация для перемещенных немцев, но эта организация, ZVU (Zentralverwaltung für deutsche Umsiedler), фактически не функционировала до середины 1946 г. (Ther 1998: 58).

Эвакуированные с востока: поляки «второго сорта»

Атмосфера хищничества, сопровождавшая изгнание немцев, оправдывалась чувством мести попранной нации, обескровленной оккупантами. Но национальным аргументом размахивали и в отношении эвакуированных с востока, с которыми очень часто обращались как с иностранцами. «Ci Ukraińcy», «эти украинцы», – вспоминает госпожа Тучинская, – как называли репатриантов из ее конвоя, когда они прибыли в район Ополе:

«Наши представили свои бумаги [опись их имущества, оставшегося на Украине], но им сказали: «Земля для поляков, раз их обслуживают, то и вам будет ваша земля»⁴⁶. Там [в Силезии] нас видели другими людьми, не совсем поляками, мы говорили не так, как они, у нас не было высокомерия других, ну, тех, кто приехал из ..., как наши будущие соседи, например, из Кельце»⁴⁷.

Это правда, что у поляков окраин была особая манера говорить, что они произносили не «ł» (эу), а «л», что они использовали местные выражения, неизвестные центральной Польше, и что они часто казались разочарованными, сильно нуждающимися. Но когда они возвращались на родину, их считали иностранцами или поляками второго сорта. Горькое чувство было сильным, как выразился некто Юзеф Малиновский, только что репатриированный во Вроцлав, указав, что таких, как он, здесь называют уничижительно «партизанами». В его письме, адресованном Министерству труда, осуждался фаворитизм новых государственных служащих по отношению к местным полякам в ущерб любому уважению к эвакуированным с востока:

«Они с радостью облегчают [положение] своего народа, из Познани или Померании, но презирают этих несчастных братьев, пришедших с другой стороны Буга, потому что у них нет ни крыши над головой, ни опоры, и они спят во дворах [...] потому что им нет места в казарме»⁴⁸.

Нищие с востока, бездомные, они внушали презрение и вызывали неприязнь, потому что соперничали со всеми, кто спонтанно прибыл, требуя приюта и помощи. Первыми обслуживали тех, кто первым приехал. Конкуренция иногда была жесткой, но чаще всего вакансии, о которых сообщалось при выезде с Украины, уже были заняты, когда колонны эвакуированных прибывали в пункт назначения после нескольких недель пути (Thum 2006: 109-111; Ther 1998)⁴⁹. А великое бегство поляков с Украины только начиналось весной-летом 1945 г., сотни тысяч людей собирались еще прибыть до середины 1946 г. Если неприятие эвакуированных с востока имело особые причины, в частности, сильную открытую конкуренцию за присвоение немецкой собственности, то оно также отражало (через сомнение в их законной принадлежности к национальному сообществу) глубокую болезнь идентичности, которая пронизывала польское общество в конце конфликта. Этот послевоенный период, в котором многие историки видели обострение национального чувства, заслуживает пересмотра в свете множественных форм

⁴⁶ Интервью с Mme Tuczynska, Варшава, ноябрь 2008 г.

⁴⁷ Интервью с Maria Kowalska, Отвоцк, ноябрь 2008 г.

⁴⁸ Письмо Ю. Малиновского от 9 июня 1945 г., воспроизведено в работе: (Ciesielski 1999: 208-209).

⁴⁹ Как указывает Ф. Тер, в отношении приема эвакуированных с востока ситуация была различной в зависимости от регионов и более благоприятной в тех, где осталось мало коренных жителей, как, например, в Нижней Силезии.

субнациональной эксклюзии, одним из выражений которой было отношение к полякам с востока. Можно ли было квалифицировать нетерпимость как националистическую реакцию, когда она начала проявляться среди поляков?

О брошенных, а не о принятых эвакуированных с востока быстро и регулярно докладывали в министерства, в основном возлагая ответственность за это на новые местные власти. В сентябре воевода Познанского края обратился ко всем главам округов с упреком в преступном поведении администраторов и их предрассудках в отношении соотечественников, прибывших с бывших восточных границ:

«Еще раз подчеркиваю, что вопрос о репатриации является одной из важнейших проблем в настоящее время и что от бесперебойного проведения совместной акции репатриации и акции заселения западных земель зависит будущая судьба Польского государства»⁵⁰.

Польские власти не собирались сильно улучшать участь эвакуированных, прибывших к месту назначения. Запад долгое время казался диким, неукротимым убежищем для всех, кто имел основания опасаться коммунистической власти, будь то бывшие коллаборанты немцев или негибимые антисоветчики. Даже разоренный последними очень жестокими боями зимы и весны 1945 года, Запад воспринимался как «Дальний Запад», полный редких продуктов, навстречу которым устремлялись все торговцы, не говоря уже обо всех тех, кто, не имея ничего, отправился туда попытать счастья⁵¹. В этом плавильном котле перемещенным лицам с Украины придется постоять за себя. С другой стороны, вопрос о репатриации бывших депортированных оставался для властей одной из главных забот того времени.

Полонизация отвоеванных у немцев территорий означала прежде всего проведение демографической политики, обеспечивавшей через заселение людей национализацию этих новых земель. Однако проблема была не только внутренней, но и международной. Потому что союзники, и прежде всего британцы, по-прежнему скептически относились к способности поляков вновь заселить территории, на которые претендовали до Одера и Нейсе: они в любом случае должны были доказать это до подписания мирных договоров 1947 г.⁵² Вклад меньшинств с востока в полонизацию запада был по всем этим причинам ожидаемым. Любая группа, независимо от того, насколько она мала, которая раздувала статистику, была хороша. Однако в плане репатриации с востока внимание польского правительства и военных властей привлекла специфическая группа: бывшие депортированные, получившие окончательное разрешение покинуть восточные окраины СССР в июле 1945 г. В середине 1944 г. судьба этих общин вызвала сильную мобилизацию в кругах новой власти для получения этого согласия из Москвы. Некоторые из новой правительственной команды разделили часть их одиссеи, не считая десятков тысяч военных, сформировавших Армию Беринга, которые вернулись с этого далекого востока и с тех пор не переставших беспокоить свое начальство о судьбе, которая была уготована их семьям, оставшимся там. Отношение поляков к будущему бывших депортированных

⁵⁰ Письмо воеводы Познани от 8 сентября 1945 г. воспроизведено в работе (Ciesielski 1999: 286).

⁵¹ См., например, важное свидетельство Г. Гринберга, описывающего приезды и отъезды людей, переживших Холокост, между Лодзью и «возвращенными территориями» сразу после войны (Grynberg 1994).

⁵² На эту тему см., в частности (Frank 2007).

определялось тем, что они были политически чувствительным населением, чье положение в СССР колебалось в зависимости от капризов польско-советских отношений во время войны. Что же они прожили и пережили?

Эпос о «Сибиряках»

В сегодняшней Польше их до сих пор называют сибиряками (Sybiracy) по названию основной ассоциации, которая представляла их с 1989 г. и определяла себя как воссозданная организация, существовавшая между двумя мировыми войнами и объединившая бывших депортированных царского периода ⁵³. Однако поляков, репрессированных в 1940 и 1941 г., было больше в Средней Азии, чем в Сибири, и их скитания по восточным окраинам СССР отличались от того, что могли испытать заклеянные самодержавием старшие поколения, даже если и те, и другие утверждали, что являются жертвами своего русского соседа.

История депортаций на территориях, аннексированных СССР в 1939-1940 гг., по-разному помещается в более широкую историю советских репрессий: некоторые историки делают акцент скорее на национальном аспекте, причем весьма антипольском, другие больше настаивают на социально-политическом характере репрессий ⁵⁴. Среди депортированных с бывших восточных территорий Польши «этнические» поляки составляли большинство (70%), что неудивительно, поскольку они представляли доминирующую социальную группу ⁵⁵. Первая крупная волна депортаций (и самая крупная по численности) планировалась в Москве в последние месяцы 1939 г. Она была направлена против поселенцев (осадников), представителей местной администрации и лесничеств. В разгар зимы, в феврале 1940 г. почти 140 тыс. человек были бесчеловечно изгнаны из своих домов, большинство из них отправлены в Архангельскую область ⁵⁶. Это была самая смертоносная волна из-за погодных условий как при транспортировке, так и по прибытии на место ссылки.

Выбор людей, ставших жертвами апрельской волны депортаций, был весьма своеобразен, поскольку, помимо различных категорий врагов, четко определенных советским режимом, таких как бывшие представители общественного порядка (в частности, полицейские, жандармы) или имущих классов (домовладельцы, ремесленники), в нее вошли, в частности, семьи офицеров и гражданских лиц, которые были вскоре тайно расстреляны. Наряду с принятым в Москве решением о ликвидации

⁵³ Речь идет об ассоциации Związek Sybiraków (Союз сибиряков). Он представлен во всех регионах Польши и распределяет скромную пенсию из государственных средств бывшим депортированным, а также заботится о сборе их историй (около десятка опубликованных томов, уже цитируемых, каждый из которых содержит около 20 свидетельств, в том числе мы цитируем несколько выдержек в этой статье). Я хотела бы с большой благодарностью вспомнить здесь ее бывшего президента г-на Пржевлдского, который с большой методичностью помогал мне в моих исследованиях.

⁵⁴ Что касается первого аспекта, см. работы: (Ther 1998; Snyder 2003; Głowacki 1998). О социально-политическом характере см. работу (Земсков 2005).

⁵⁵ Работа по истории депортаций с присоединенных территорий заметно развернулась с момента открытия архивов (см. библиографию, составленную авторами работы: (Ciesielski, Materski, Paczkowski 2000)). Однако новаторская работа Яна Гросса, сделанная на основе свидетельств, собранных у бывших депортированных, уехавших с армией Андерса (коллекция хранится в Гуверовском институте), очень мало пересматривалась в последующих работах, за исключением общей оценки числа депортированных, и она остается одним из наиболее важных источников для анализа этого периода (Gross 2002).

⁵⁶ О географии мест депортации см. работу: (Kowalska 1998).

15 тыс. военнослужащих польской армии, находившихся в плену (хотя СССР не объявлял войну Польше в сентябре 1939 г.), Берия отдал приказ о депортации их семей ⁵⁷.

Как и вторая волна депортаций, третья также была нацелена на конкретное население – беженцев. Большинство репрессированных составляли беженцы из центральной Польши, бежавшие на восток во время немецкого вторжения. Многие из них были польскими евреями, которые сначала были уверены, что находятся под опекой Советов, а не немцев, и которые были обеспокоены кампанией паспортизации. Поскольку эти беженцы имели лишь ветхое жилье и считались тунеядцами, заполонившими города Западной Украины, советская власть запретила им проживание на этой части территории. С другой стороны, многие беженцы оставили часть своей семьи и все свое имущество в Польше. Теперь они опасались, что, приняв советское гражданство, они навсегда будут отрезаны от своих домов. Угроза вынужденного отъезда на восток Украины и на шахты Донбасса, а также страх никогда не вернуться в свою страну заставили десятки тысяч евреев попытаться любой ценой вернуться в Польшу, несмотря на то, что она была под немецкой оккупацией. Однако в то время германо-советские договоры о переселении населения содержали специальный пункт, разрешавший бывшим польским гражданам вернуться к месту жительства, если они оказались далеко от него и находились в зоне советской оккупации на момент установления германо-советской демаркационной линии. Этот пункт особенно применялся в отношении солдат, польских военнопленных. Так, например, Ян Карский смог покинуть СССР, прежде чем стать одним из главных эmissаров польского правительства в изгнании (Karski 2010). Немецкая комиссия, ответственная за рассмотрение заявлений по существу, должна была собраться в последний раз в июне 1940 г. и получила не менее 60 тыс. заявлений от еврейских беженцев. В своем отчете о ситуации во Львове в мае 1940 г. немецкий представитель комиссии подчеркнул, что евреи очень рассчитывают на немцев в плане своего спасения.

«Евреи [...] неоднократно высказывают мнение, что с ними действительно особенно плохо обращаются их советские братья [...]. Среди бесчисленного множества людей, которые на каждом шагу останавливали нас и умоляли перевести их в Германию, было много евреев, из которых некоторые, многие, объясняли, что они предпочли бы жить в немецком концлагере, чем в Советском Союзе. Особый интерес представляет высказывание одного из евреев: «Я думаю, что для нас, евреев, нам было бы выгоднее находиться в Германии, чем здесь, потому что фюрер сказал, что собирается решить проблему евреев, а мы верим фюреру» ⁵⁸.

По иронии судьбы запросы, адресованные евреями в немецкую комиссию по перемещениям, были отклонены, а список отказов передан советским властям, которые, в частности, на этом основании планировали депортацию беженцев ⁵⁹. Своим спасением они обязаны депортации подальше от сурового места их беженства, куда год спустя вторгнутся немецкие войска...

⁵⁷ Директива Берии от 7 марта 1940 г. о депортации семей офицеров Войска Польского, полицейских и других лиц, содержащихся в лагерях и тюрьмах, воспроизведена в работе (Instytut Pamięci Narodowej 2003: 354-360).

⁵⁸ Доклад члена Немецкой комиссии по переселениям (неподписанный документ) от 11 мая 1940 г., воспроизведенный Чеславом Мадайчиком (Madajczyk 1991: 64).

⁵⁹ Директива Берии от 10 июня 1940 г. о депортации беженцев с Украины и из Западной Белоруссии, воспроизведено в (Instytut Pamięci Narodowej 2003: 566-568).

За тремя волнами депортаций в первой половине 1940 г. последовала в мае-июне 1941 г. четвертая, резко прервавшаяся с началом операции «Барбаросса». Перевозку депортированных частично совмещали с первыми крупными организованными эвакуациями гражданского населения на восток. Всего с бывших польских территорий было депортировано около 400 тыс. человек, большинство из них с Западной Украины⁶⁰.

«Бывшие польские граждане», как впредь именуются они советскими административными сводками, направлялись большей частью в спецпоселения на советский Европейский Север, в Среднюю Азию, Сибирь, где они были приписаны к месту жительства, работали в совхозах, лесном хозяйстве, реже в шахтах. Тяжесть условий их жизни сильно различалась в зависимости от места и контекста прибытия. Если априори положение этих депортированных было намного лучше, чем в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, то повседневная жизнь тех, кто был направлен на рубку деревьев, принципиально от нее не отличалась, принимая во внимание тяжесть работы и окружающей среды. Очень часто семьи лишались своих мужчин, депортированных без них, находившихся в плену, задержанных или отправленных в лагерь. Женщинам приходилось брать на себя работу и обеспечивать нужды дома и детей на фоне крайней материальной и продовольственной необеспеченности, доходящей до голода (Jolluck 2002: 100-127; Вохменцева: 65).

В то время, когда Польше было еще далеко до демографического перехода, женщины часто оказывались с большим количеством детей-иждивенцев, некоторые из которых были очень маленькими, и смертность самых маленьких была высокой по прибытии и тем более в разгар войны и лишений.

Для первых депортированных жизнь в ссылке в этих неблагоприятных местах уже казалась очень долгой, а для прибывших в конце весны 1941 г. – лишь эпизодом. Вступление СССР в войну против Германии действительно имело прямые последствия для положения поляков в СССР. Присоединившись к лагерю союзников, Сталин теперь должен был иметь дело со своими новыми собеседниками. Под давлением и при посредничестве Великобритании Москва установила дипломатические отношения с польским правительством в изгнании и в августе 1941 г. объявила всеобщую амнистию всем репрессированным польским гражданам в стране.

В двусторонних отношениях начался уникальный период. За амнистией последовало несколько решений, важнейшим из которых было создание на советской территории польской армии, объединившей бывших репрессированных и предназначенной для усиления вооруженных сил союзников на западе. Для выполнения этой задачи было разрешено открыть посольство Польши в СССР. Ему удалось создать около 20 консульских представительств, создать обширную сеть агентов, так называемых доверенных лиц (*męża zaufania*), которым было поручено обеспечивать связи между разрозненными общинами ранее репрессированных людей, способствовать объединению людей и оказывать помощь беднейшим семьям (Sword 1996).

⁶⁰ Вышинский сообщил польскому послу С. Коту цифру в 387 932 депортированных гражданина Польши (Kersten 1974: 34); Берия в общей оценке четырех волн депортаций, составленной для центрального советского руководства, упоминает 389 382 человека. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64: 383-384.

Этот период сотрудничества был относительно коротким, поскольку официально длился всего 18 месяцев, но это было необычно. Фактически никогда ни одно иностранное государство не обладало такими широкими прерогативами на советской территории. При том поле действия, отведенное польским представителям, характеризовалось все увеличивающимся разрывом между принципиальными договоренностями и реальностью их деятельности. Этому постоянно препятствовали контрольные меры и ограничения, вводимые центральной советской властью.

Осуществление амнистии было процессом, который занял время. Некоторым об этом объявили местные власти, но большинство польских граждан узнали об этом из уст в уста, во время импровизированного визита одного из этих «доверенных лиц»: в церкви, при записи ребенка, во время проповеди; в единственном экземпляре рецепта польских голубцов, как указывают другие (Gross, Grudzińska-Gross 1990: 64, 88, 167).

После перенесенных лишений амнистия, очевидно, была воспринята как обещание радикального изменения положения. Вчера депортированные как поляки, сегодня освобожденные только за то, что они поляки... Гражданская идентичность теперь стала ресурсом, которому завидовали многие репрессированные люди: и русские, и ингерманландцы с финнами, и прибалты и другие, с которыми поляки до этого делили повседневную жизнь. Конкретно амнистия давала право покидать спецпоселения и переселяться в тыловые территории. Реакцией многих домохозяйств было попытаться присоединиться к сборным пунктам, организованным для создания будущей польской армии. Первый центр был создан в Поволжье, но именно в Средней Азии, близ штаба Янги-Юль, близ Ташкента, сконцентрировалось больше всего амнистированных. Для польского генштаба задача была более чем трудной, потому что прибывали измученные, полуголодные мужчины, зачастую непригодные к военной службе, а также тысячи семей, просивших о помощи. Эти центры были не только заняты формированием армии, но и напоминали лагеря беженцев, ожидающих настоящего освобождения, которое для них было равносильно выезду из СССР. Армия Андерса, названная в честь основавшего ее генерала, насчитывала около 75 тыс. человек, не считая мирных жителей, солдатских и других семей. Весной 1942 г. она покинула СССР и переправилась в Иран двумя волнами. Таким образом, около 120 тыс. польских граждан были эвакуированы в разгар войны из Советского Союза и приняты в Иране британцами.

Ощущение упущенной возможности возникло у многих бывших депортированных, оставшихся в тылу и испытавших прямые последствия ухудшения польско-советских отношений. В СССР оставалось еще более 260 тыс. польских граждан, которые не смогли добраться до центров армии Андерса, не были уведомлены об их существовании или им было отказано. Это особенно касалось польских евреев, поскольку советские власти осуществляли контроль над отъездом, ограничивая его «польскими гражданами польской этнической национальности»⁶¹. Для многих домохозяйств самое трудное было еще впереди. По крайней мере, так говорят многие свидетельства.

Польские граждане по большей части были амнистированы и, как правило, покидали спецпоселения, но депортация происходила в мирное время, по крайней мере

⁶¹ Эти ограничения появлялись постепенно в период с августа 1941 г. по весну 1942 г. (Gousseff 2003).

Тем не менее среди эвакуированных армией Андерса было около 3% евреев, 3% белорусов и 1% украинцев.

в СССР, а освобождение произошло в период вступления страны в войну. Мобилизация мужчин на фронт привела к полной мобилизации гражданского населения в тылу, вносящего свой вклад в войну. Дефициты, лишения и тяжелая работа были обычным уделом, стиравшим грань между положением депортированного и свободного человека. Нужно было жить и, следовательно, работать. Многие поляки были наняты в бедные совхозы Казахстана или присоединились к перенаселенным городам, плохо снабжаемым, в качестве рабочей силы. Горизонт снова потемнел.

С января 1943 г. была предпринята новая кампания по паспортизации. Так как депортированные были амнистированы как польские граждане, они думали, что восстановили свое право быть поляками, но эта операция означала для них, что, наоборот, они окончательно станут советскими гражданами. Согласно действующему законодательству, кампания по паспортизации может выглядеть как тривиальное административное действие. Когда жители присоединенных территорий получили свои первые паспорта в 1940 г., они выдавались всего на 3 года. Эта практика временного подтверждения документов применительно к полякам была одинаковой для всех советских граждан и позволяла обеспечить регулярный контроль над населением. Но зимняя кампания 1943 г. в данном случае проходила в атмосфере крайней напряженности в двусторонних отношениях из-за споров о будущем территорий, завоеванных СССР в 1939 г. Польское посольство все еще находилось в СССР, но его способность взаимодействовать с оставшимися общинами стала почти нулевой. Где бы они ни находились, поляков стали вызывать в отделения милиции, допрашивать, принуждать к отказу от признания своей этнической польской национальности. Конфискация справок об амнистии и других документов, удостоверяющих личность, задержание на несколько суток непокорных, угрозы осуждения, все методы запугивания применялись в течение нескольких месяцев, пока длилась операция. Александр Ват, известный левый интеллектуал в Польше, у которого Чеслав Милош брал подробное интервью о его опыте войны в СССР, во многих случаях и значительно различает эпоху до и после паспортизации, при этом даже не предпринимает попытки описать, что это такое было, настолько это было травмирующим опытом (Wat 1989). Бессильные противостоять происходящему, польские дипломаты восприняли эту операцию как нетерпимую провокацию.

Официально СССР разорвал все отношения с правительством в изгнании во время катынского дела. Обнаружение немцами братской могилы в первые месяцы 1943 г. и запрос правительства в изгнании о предоставлении экспертного отчета Международного Красного Креста о датировке массовых убийств польских офицеров были предлогом, использованным советской стороной, чтобы официально разорвать дипломатические отношения в апреле. Но на самом деле разрыв уже состоялся ранее. Большой политический сигнал о неприятии возможности пересмотра в отношении аннексированных территорий в 1939 г. был подан началом кампании паспортизации. Редко когда население было столь явным свидетелем и инструментом международной политики в ее поворотах, как польские депортированные. Зима 1942-1943 гг. была одним из самых тяжелых периодов, пережитых на Большом Советском Востоке, когда слились воедино ощущение окончательного плена, крайняя суровость в том году климатических условий и лишения, достигшие своего пика из-за нужд фронта.

Тем не менее этот период может показаться весьма парадоксальным. В то время как поляки теперь считались в глубине СССР советскими гражданами, основание в Москве

Союза польских патриотов внезапно сделало польское присутствие в стране по-новому видимым. Его создание соответствовало новой московской стратегии использования иностранных общин, расположенных в СССР, будь то немецкие, чешские или польские, для формирования политических союзов послевоенной Европы. Кредо Союза польских патриотов (ZPP), сформулированное в марте 1943 г., ясно отражало данный себе Союзом титул учредителя антифашистского фронта, объединяющего польские силы на советской территории, чтобы вместе с СССР внести свой вклад в боевые действия против немцев. Созданная незадолго до того, как представители правительства в изгнании покинули территорию, эта организация постепенно взяла на себя деятельность, развернутую посольством с общинами в тылу. Управление несколькими десятками школ и детскими приютами, скромная помощь беднейшим семьям, деятельность ZPP была организована путем создания новой агентурной сети по образцу сети доверенных лиц 1941-1942 гг. При этом, называя себя альтернативой «лондонским» реакционерам, Союз польских патриотов представлял свою работу как непосредственное продолжение их деятельности, и это, несомненно, было одной из причин успеха, которого он добился среди советских польских домохозяйств (Głowacki 1994b). Его главной задачей с весны 1943 г. было создание новой польской армии. Здесь снова сценарий повторился, но в совершенно другой конфигурации. 36,5 тыс. человек в армии Берлинга в июне 1944 г. предназначались для помощи Красной Армии в освобождении Польши. В основном ими руководили советские офицеры, часто польского происхождения, но прошедшие обучение в СССР. Было несколько исключений, начиная с генерала Берлинга, репрессированного Советами в 1939 г., а также Владислава Андерса, освобожденного, как и он, для выполнения возложенной на него миссии по командованию армией. Именно благодаря сбору мужчин ZPP удалось идентифицировать различные общины и сыграть роль представителя «политических эмигрантов», как Союз называл бывших депортированных перед советскими властями.

Первым крупным успехом, достигнутым из Москвы Союзом польских патриотов в своей посреднической роли, было разрешение, выданное весной 1944 г., на перевод части поляков, проживавших в районах советского Крайнего Севера, Урала и Сибири, в районы юга. Официально выданное по просьбе ZPP постановление Совета Министров СССР в марте 1944 г. обосновывало перевод людей «тяжелыми климатическими условиями»⁶². Отъезды на юг затронули около 25 тыс. человек, проживавших в республиках Коми, Якутии, Архангельской, 12,3 тыс. человек из Читинской области, Красноярского края, Кемеровской, Омской, Молотовской и Свердловской областей, большинство из них были размещены в колхозах и совхозах центральной и южной Украины⁶³. Эта операция, контролируемая центральным НКВД и проведенная агентами ZPP, сильно раздосадовала украинских руководителей, явно мало или совсем не подготовленных к этому наплыву поляков, о которых они быстро вынесли отрицательные суждения, считая их реакционными и неспособными к работе⁶⁴. Вероятно, именно этот первый перевод стал причиной

⁶² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46А. Д. 26: 2-3. «Декрет Совнаркома СССР от 18 марта 1944 года».

⁶³ Цифры реально перевезенных лиц указать трудно, так как, с одной стороны, Берия пересмотрел предложение ZPP в сторону понижения (доклад Сталину, май 1944 г., ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64: 384), а с другой стороны, местные власти как при отбытии, так и при прибытии часто сообщали о большем количестве поляков, чем было заявлено – ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46А. Д. 261: 21-22, Д. 232: 7, Д. 205: 2. В то же время по некоторым территориям, например, по Свердловской и ряду сибирских областей детальная статистика переселений известна (Жаронь 2002; Чевардин 2013).

⁶⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 789: 21-32. «Доклад Савченко от 5 августа 1944 г».

враждебного отношения украинских властей к Союзу польских патриотов. Впоследствии ZPP выступил за дальнейшее переселение в западные районы СССР, в частности поляков из Казахстана. Но руководство республики выступило против отъезда этой рабочей силы ⁶⁵. Несмотря на скромные результаты, полученные для улучшения участи своих соотечественников, ZPP через организацию этих внутренних переводов продемонстрировал свои оперативные возможности. Таким образом, был усилен его авторитет у центральной советской власти. Впоследствии именно ему предоставили важную роль в осуществлении массовых репатриаций поляков из СССР в Польшу. Однако летом 1944 г. эта перспектива даже не упоминалась, как и во время первых соглашений в сентябре 1944 г. о перемещении приграничного населения ⁶⁶. Для новых польских лидеров, обосновавшихся в Люблине, как и для польских жителей Западной Украины, приход обученного на востоке Войска Польского был очевидной прелюдией к массовому возвращению «из глубин СССР». В июне 1944 г. указ Президиума Верховного Совета СССР обозначил поворот к нормализации правового положения поляков, советизированных в 1943 г. Этот текст, правда, касался только солдат армии Берлинга, получивших право на получение польского гражданства, а также их семей и отдельных лиц, внесших свой вклад в борьбу за освобождение Польши ⁶⁷. Но это, по крайней мере, указывало на путь к ожидаемому исправлению ненормальности в ситуации бывших депортированных. Однако эти первые признаки начала изменений лишь на мгновение подогрели надежду на скорую репатриацию с Дальнего Востока, потому что потом в Москве почти год в отношении этого дела будет гнетущая тишина.

Молчание Кремля было оглушительным для всех, ожидавших возвращения, и тех, кто был близко, и кто далеко. С ноября 1944 г. администрация полпредства в Луцке обращала внимание на многочисленные письма, направленные поляками на Украине с просьбами о разрешении выехать в Польшу и их депортированным родственникам ⁶⁸. Пизло, сам бывший ссыльный, пересылал письма, полученные Союзом польских патриотов в Москве, отвечал этим полякам из далеких регионов, из Архангельска, Караганды и других мест ⁶⁹. Полпред вышел на прямой контакт с руководством Республики Башкирия для ускорения возвращения, но получил лишь лаконичный ответ, уточняющий, что только приказ из Москвы позволит разблокировать ситуацию присутствующих на территории поляков ⁷⁰. Ячейки ZPP, организованные на западе Украины, также пытались посредничать. Так, из Дрогобыча заместитель наркома НКВД на Украине был проинформирован о том, что в регионе Союз польских патриотов выступил с инициативой сбора информации от поляков об их депортированных или арестованных родственниках и что затем Союз обратился непосредственно к власти указанных мест с требованием возвращения этих людей ⁷¹. Все эти шаги, исходили ли они от ZPP или от польской администрации на Украине, лишь раздували раздражение советских руководителей, и Вольский косвенно вторил

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 229: 135-142. «Переписка с руководством республики Казахстан».

⁶⁶ В архивах, опубликованных за этот период, в документе от августа 1944 г. упоминается о своевременности этих репатриаций, но это, очевидно, ошибка датировки (Basiński, Adalińskie 1974: 216-217).

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 69а: 3-4. «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1944 г.»

⁶⁸ ААН. Ф. 524. Д. 28: 47. «Корреспонденция в Луцк от 27/11/1944».

⁶⁹ На всех этих письмах запросы о репатриациях. ААН. Ф. 524. Д. 76. «Корреспонденция администрации в Луцке с репатриантами и ZPP».

⁷⁰ ААН. Ф. 524. Д. 10: 35. «Почта администрации Башкирии в Луцк от 24 мая 1945 г.».

⁷¹ Донесение ответственного по Дрогобычу для Савченко от 29 июня 1945 г., воспроизведено в работе (Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP 2000: 418).

этому, формально запрещая полномочному представителю вмешиваться в репатриацию поляков из советской глубинки. Будущие резолюции, писал он в июне 1945 г., будут приняты и повлекут за собой специальные приказы⁷². Решение о начале репатриации, наконец, было принято в начале июля 1945 г., когда было возобновлено двустороннее соглашение о перемещении населения, в котором, как и прежде, упоминались поляки приграничных районов, но также, очень мимолетно, «польские граждане до 17 сентября 1939 г., жители других регионов СССР»⁷³. Ситуация наконец-то прояснилась, по крайней мере, на бумаге.

В действительности выезды из Средней Азии, Сибири и других районов советской периферии, которые касались около 220 тыс. человек, растянулись почти на год. Фактически для общин бывших депортированных административные процедуры, гарантирующие отъезд, стали еще одним неожиданным испытанием.

Под давлением Советского Центра

Группы депортированных, амнистированных, советизированных польских граждан всегда составляли, судя по перипетиям их правового и административного положения, ту категорию населения, которая относилась к политически чувствительным вопросам. Судьба этого населения была решена при официальном возобновлении польско-советских двусторонних отношений, и это не было случайностью. Она находилась под прицелом Москвы с 1940 г. и оставалась таковой до конца процесса репатриации. Перемещения людей с востока фактически были предметом особых процедур, в которых почти не участвовали эвакуационные администрации, занимавшиеся только выездом жителей приграничных районов. Процедуры регистрации меньшинства на Украине представлялись простой формальностью по сравнению со сложностью мероприятий по организации выездов с восточных окраин СССР. Они были определены в Москве Наркоматом иностранных дел и специальной польско-советской комиссией, созданной при Президиуме Верховного Совета, для проведения в жизнь закона о «выходе из советского гражданства»⁷⁴.

После кампании по паспортизации 1943 г. встал вопрос о начале процесса лишения паспортов, и эта процедура могла быть реализована только центральной советской администрацией. Местные органы НКВД отвечали за составление личных дел заявителей и передачу их в Москву для рассмотрения отделом ОВИРа (отдел виз и регистрации иностранных граждан), который принимал решение по существу дела. Только тогда по подтвержденному заключению ОВИРа «новые» польские граждане получали разрешение покинуть советскую территорию. Эта процедура не была легкой, так как предполагала взаимодействие между Москвой и окраиной и поездки людей туда-обратно при решении конкретных вопросов, но она априори была функциональной. На деле возникали серьезные препятствия, поскольку формы индивидуальных запросов требовали, чтобы

⁷² ААН. Ф. 524. Д.10: 31. «Письмо Вольского Пизло от 12 июня 1945 г.».

⁷³ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1400: 59-64. «Польско-советский договор от 6 июля 1945 г.» Накануне указом Президиума Верховного Совета СССР был уточнен порядок изменения гражданства – ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 69а: 8-9.

⁷⁴ После принятия новой конституции СССР 1936 г. законом от 3 августа 1938 г. были уточнены условия получения советского гражданства и изменения гражданства (выход из гражданства). См. работу (Gousseff 2003: 523, 547-548, 552-554) о бюрократическом тупике, связанном с вопросом о тех, кто был «без документов».

информация, предоставленная заинтересованными лицами, была подтверждена документами. В частности, местным органам НКВД должны были быть предъявлены документы, удостоверяющие прежнее польское гражданство до 17 сентября 1939 г. Однако во время скитаний людей с 1940 г., будь то в спецколониях, куда они были приписаны, или во время паспортной кампании 1943 г., у поляков очень часто конфисковывали те немногие документы, которые у них были. И дела «безбумажных» тут же были отвергнуты Москвой. Пережив тиранию навязанного гражданства, которое сделало из их прошлого чистый лист, поляки теперь столкнулись с требованием документальных доказательств, которые были у них конфискованы... Чтобы исправить этот бюрократический тупик, процедуры были в конце концов изменены, но без особого результата: были созданы местные комиссии, которые, на этот раз с помощью архивов милиции и НКВД, должны были попытаться собрать все документы и заполнить досье. Тем не менее проблема «недокументированных» людей оставалась нерешаемой из-за отсутствия архивов или лени местных администраторов, не спешащих проводить необходимые расследования. В любом случае ситуация была блокирована. Счастливицков, у которых еще были при себе польские дипломы или военные документы, было не так много, и они смогли уехать довольно быстро, пока большинство «бывших польских граждан» продолжали ждать.

Административная разблокировка наступила внезапно в декабре 1945 г., когда с самого верха поступило указание как можно быстрее приступить к завершению послевоенных репатриаций. Этот императив не был адресован специально полякам на окраинах СССР, но упомянутое на заседании смешанной комиссии «изменение мнения» сразу сказалось на принятых тогда решениях. Отныне местные комиссии имели полную свободу действий в отношении положения людей без документов. Присутствовавшие на месте члены ZPP имели право удостоверить правдивость показаний заявителей об их личности. Таким образом, центральная администрация отказалась от контроля над всеми делами и Союзу польских патриотов было предложено сыграть решающую роль в исходе разбирательства. Именно в этот период ZPP зарегистрировал наибольшее число членов – около 70% взрослого польского населения, проживавшего в СССР (Głowacki 1994b: 59). Люди массово записывались в Союз, тем самым обеспечивая себе поддержку местных представителей Союза патриотов в решении своего дела, и на этот раз результаты не заставили себя ждать. К середине января 1946 г. было положительно рассмотрено 66 тыс. дел, и к этому сроку смешанная комиссия в Москве готовила план отъездов ⁷⁵. Большие репатриационные колонны растянулись до лета.

Для большинства поляков, живших на восточной окраине СССР, окончание войны и их возвращение в свою страну были синонимами, даже если это возвращение произошло почти через год после окончания войны, даже если понятие «возвращение» казалось весьма относительным, потому что речь шла не о том, чтобы найти оставленный дом, определенно находящийся на советской территории, а о том, чтобы отправиться на родину, за Буг и Сан, эту новую черту водораздела, которую некоторые из них никогда не пересекали. Только бывшие беженцы, бежавшие от немецкого вторжения, могли надеяться вернуться в свои дома в центральной Польше. Однако эта перспектива была совершенно теоретической, потому что большинство этих беженцев были евреями и не знали, что из их общин никого не осталось, что их дома будут заняты посторонними.

⁷⁵ О планировании и очередности выездов см. в архиве – ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1400.

Самое жестокое для них будет впереди. Как вспоминала Стелла Ковач в смятении неудержимого волнения более 50 лет спустя: «Мы жили в архаике, но не знали оккупации, лагерей» ⁷⁶.

Для тех, кто был в Средней Азии, Сибири или на Урале, война действительно приобретала иной смысл. Ее развязывание было синонимом освобождения, переломный момент Сталинграда проявился в форме новой кабалы с восстановлением советского гражданства. Однако суть этого нового административного ограничения быстро размылась. Бывшие депортированные оказались волей-неволей включенными в состав СССР, потому что им во всеуслышание твердили, что Польши больше нет и не будет, а в это время начинает подниматься польская армия для содействия освобождению родины. Вместо того, чтобы пытаться объяснить такие противоречивые потрясения, Союз польских патриотов уловил направление ветра и с 1944 г. взял на себя обязательство объединять сообщества вокруг патриотических ценностей нации и польско-советского союза. В представляемом как неминуемое освобождении Польши от нацистского господства постоянно подчеркивалась провиденциальная роль СССР. В Балхаше (Казахстан) 19 января 1945 г. была организована демонстрация в честь победы Красной Армии при освобождении Варшавы ⁷⁷. Мобилизация ZPP для пропаганды просоветской версии войны явно соответствовала идеологической задаче организации. Если это так, то это также было частью реальности, которая своим разнообразием требовала выработки определенного консенсуса. Например, в Караганде в 1944 г. официальные лица ZPP отмечали, что там проживало около 1 тыс. поляков. Среди них была 101 семья, из которых по крайней мере один член семьи участвовал в польской армии Берлинга, 74 семьи, в которой кто-то ушел с армией Андерса, и 55 семей, которые имели своего родственника в Красной Армии ⁷⁸. Другими словами, три четверти домохозяйств, находившихся в городе, были так или иначе связаны с освободительной армией, которая, однако, выступала под тремя разными знаменами. Каждая сражалась за одну и ту же цель: восстановление демократии в Европе, как провозглашал Союз польских патриотов; и его агитация *pro domo* (за свой дом) затем могла быть развернута вокруг основания Польского комитета национального освобождения в Люблине, мобилизованного для «укрепления демократического фронта» в Польше. В отчете о своей «политической деятельности и агитации» ZPP указывал наряду с конференциями, посвященными продвижению нового правительства, и другие различные мероприятия, такие как празднование Грюнвальдской битвы (где поляки победили тевтонов в 1410 г.), а также другие инициативы, в том числе сборы в пользу варшавян, чей город был сильно разрушен, или на сооружение памятника, посвященного жертвам Катыни, убитым, как было написано, «немецко-фашистами» ⁷⁹.

В конце войны ZPP возродил национальный праздник, которым польские левые межвоенного периода, в частности коммунисты, в значительной степени пренебрегали. Этот национальный праздник, учрежденный во время восстановления Польского государства после 1918 г., был назначен на 3 мая в ознаменование Конституции 1791 г., последнего свободного акта польского сейма перед окончательным демонтажем

⁷⁶ Интервью автора, Вроцлав, июнь 2008 г.

⁷⁷ AAN. Ф. ZPP. Д. 112. «Отчет отделения ZPP в Балхаше от 22 января 1945 г.».

⁷⁸ AAN. Ф. ZPP. Д. 112. «Отчет отделения ZPP в Караганде, январь 1945 г.».

⁷⁹ AAN. Ф. ZPP. Д. 112. «Отчет отделения ZPP в Караганде».

государственности в 1795 г.⁸⁰ Близость празднования 3 мая к 1 мая, к еще одной ключевой дате в истории рабочего движения, подпитывала взаимное неприятие, особенно потому, что консервативные правые объединялись вокруг национального праздника 3 мая, пытаясь с относительным успехом захватить его символический ресурс. Помимо этого конъюнктурного эффекта, 3 мая глубоко вписалось в польское политическое сознание еще со времен разделов, заняв видное место в представлениях и стремлениях к независимости в XIX веке. Использование этого сильного ориентира в политической и культурной деятельности ZPP в конце войны способствовало переформулировке условий патриотического консенсуса, обращенного к возрождению и независимости страны. В день 3 мая в Караганде состоялись важные торжества, организованные советскими властями перед публикой, собравшей много русских и поляков. Карагандинский театр по этому случаю был украшен большими портретами Сталина и Берлинга, польский хор пел по очереди польский и советский гимны, мероприятие сопровождалось докладом об историческом значении этого дня, концертом, речами и зачитыванием официальных обращений к товарищу Сталину, генералу Берлингу, Ванде Василевской, закончилось все большим публичным балом. Отчет этого дня не скрывал, что мероприятие было очень успешным⁸¹.

Поляки Средней Азии и Сибири неравномерно курировались ZPP, и части людей достигали лишь отдаленные отголоски агитации, которая была организована в таких городах, как Караганда. Но, тем не менее, распространяя скромную прессу, как например, бюллетень *Głos patrioty polskiego* («Голос польского патриота»), и создавая многочисленные кружки (*kolo*) на низовом местном уровне, ZPP смог охватить наибольшее число людей. Не имея доступа к другим источникам информации, бывшие депортированные практически ничего не знали о противостоянии политических лагерей, о значении, которое Армия Крайова имела во время войны, и об охоте на бойцов сопротивления, ознаменовавшей освобождение страны. С другой стороны, они знали, что означает аббревиатура PKWN (Польский комитет национального освобождения), и кто такие Берут, Гомулка или Осубка-Моравский. Если бы они не знали, они узнали бы об этом, увидев знамена, украшавшие отходящие поезда, во славу вождей новой Польши. Все эти семьи, которые собирались покинуть восточные окраины СССР, уже не считались советскими, но, проведя в СССР всю войну, были посвящены во множественные стратегии выживания: неоднократно сталкиваясь с административным произволом государства и грубой тиранией его представителей, они везли с собой знание системы, частичку истории Великой Отечественной войны, далеко отстоящей от истории их соотечественников.

Длинные конвои, отправлявшиеся с востока, начиная с конца 1945 г. и наиболее интенсивно с марта по июль 1946 г., перевозили настоящих энтузиастов не столько нового режима, сколько долгожданного возвращения, которое начиналось с посадки в поезд. Транспорт шел через Украину, через Львов, где при вокзале были устроены специальные столовые.

К этому моменту пересечение границы значительно усложнилось. После того, как большие потоки репатриированных советских граждан, бывших подневольных рабочих Рейха и военнопленных иссякли, центральный НКГБ начинает все больше вмешиваться,

⁸⁰ Эта Конституция разрушила структуры дворянской республики, чтобы заложить основы парламентской монархии. Об историческом соперничестве 1 и 3 мая в Польше см. работу (Zawadzki 1990).

⁸¹ AAN. Ф. ZPP. Д. 112.

требуя лучшего контроля за пересечением границ. Таможня была последним испытанием, потому что у репатриантов с востока очень часто не были документы «в порядке». Давление, оказываемое в Москве с декабря 1945 г. на местные комиссии по оперативному рассмотрению дел, привело к тому, что они отступили от всех указаний о порядке оформления документов для выезда с территории. Требуемые при пересечении границ фотографии на документах отсутствовали, как и печати органов, выдавших бумаги. В феврале 1946 г. НКГБ в Москве связался со своими агентами в различных республиках, чтобы сообщить им, что у ряда бывших польских граждан имеются «фальшивые документы», что не исключено, что среди них пытались проскользнуть и другие лица, не затронутые соглашением⁸². Последствия этого призыва к бдительности не заставили себя долго ждать. В марте польский контролер контрольно-пропускного пункта в Рава Русской сообщил, что колонны репатриантов с востока более 10 дней блокируются на границе. Никакой продовольственной помощи им не оказывали, даже хлеба не давали⁸³. Вновь людей охватила тоска, просыпался кошмар возвращения не на запад, а на восток⁸⁴. Ужесточение погранпереходов затронуло весь транспорт, будь то с репатрированными с востока или эвакуированными с Украины. Людей арестовывали и задерживали без объяснения причин⁸⁵. Польский заместитель полпреда жаловался на чрезмерные обыски, проводимые среди эвакуированных, он осудил, в частности, практические гинекологические осмотры женщин⁸⁶.

Возвращение под высоким напряжением

Трудности и препятствия, возникшие на границе весной 1946 г., отражали неизбежность закрытия советских границ на фоне острой напряженности в Польше, особенно в восточных районах страны. Массовое изгнание украинцев, организованное польской армией, происходило в атмосфере беспрецедентного насилия. Кроме того, объявление национального референдума, касающегося, в частности, реформы польской парламентской системы, стало серьезной проблемой в раскладе сил. Надежда жила в лагере сторонников Миколайчика, сгруппированных внутри PSL (Polskie Stronnictwo Ludowe – Польская крестьянская партия), которые, объединяя тех, кто сопротивлялся режиму, все еще искренне думали, что смогут продемонстрировать ориентацию общественного мнения в их пользу во время голосования. Еще до проведения референдума, назначенного на 30 июня, весна в Польше была жаркой, сопровождавшейся многочисленными противостояниями. Большая демонстрация в Кракове, организованная по случаю праздника 3 мая, была настоящим вызовом: под крики «Долой коммунизм, да здравствует Миколайчик» или даже «Долой иудо-коммуну» краковцы маршировали массами и противостояли силам порядка, которые произвели почти тысячу арестов (после этой демонстрации 3 мая как праздничную дату перестали официально отмечать до 1981 г.!) (Mazowiecki 1989)⁸⁷. В этот период бурления, несмотря на армейские подкрепления,

⁸² Обращение НКГБ СССР ко всем его территориальным органам от 9 февраля 1946 г. по поводу выезда бывших польских граждан, воспроизведенное в работе (Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP 2000: 710-712). НКГБ прямо поставил под сомнение работу местных комиссий и Союза польских патриотов.

⁸³ AAN. Ф. 524. Д. 22: 305. «Донесение пункта Рава Русская от 18 марта 1946г.».

⁸⁴ Воспоминания Anna Klingerowa, воспроизведенные в работе (Związek sybiraków 1990-1993, t. 8:134-135).

⁸⁵ AAN. Ф. 524. Д. 22: 336. «Отчет администрации Луцка от 11 июля 1946 г.»

⁸⁶ AAN. Ф. 524. Д. 22: 353. «Жалоба г-на Бика на имя Коколь от 11 июня 1946 г.»

⁸⁷ Цитируется по работе (Zawadzki 1990).

ширились бандитизм и нападения групп сопротивления. С этой точки зрения поезда и станции представляли собой предпочитаемые цели, будь то грабеж пассажиров, охота на агентов службы безопасности или нападение на евреев. Ибо антисемитизм далеко не исчез в послевоенной Польше, напротив, это бедствие продолжалось и находило выражение не только в общественном мнении, но и во время регулярно засвидетельствованных вспышек кровавого насилия. Евреев было не более 6 тыс. в Кракове, где до войны они составляли общину, насчитывавшую не менее 70 тыс. человек, и тем не менее в августе 1945 г. пережившие Холокост стали жертвами погрома. Его разворачивание (слухи о ритуальных убийствах детей, сбор толпы у синагоги в день шаббата, которая ворвалась в святилище и начала зверское избиение евреев) возобновило многократно проверенный сценарий. Антисемитское варварство вновь разразилось в период референдума. Украинская администрация в Польше сообщила в июне 1946 г., что поезд, следовавший из Лукова в Люблин 13-го числа, подвергся нападению со стороны около 40 вооруженных людей, одетых либо в форму польской армии, либо в форму Красной Армии. Они высадили всех пассажиров, убили нескольких присутствовавших советских солдат и офицеров, приступили к доскональной проверке всех пассажиров, отводя в сторону «работников службы безопасности» и евреев, которых они казнили на перроне, прежде чем ограбить трупы⁸⁸.

Станция была одним из театров печально известного Кельцкого погрома. Там тоже 4 июля евреи были высажены из поезда, убиты металлическими молотками, в то время как в городе уже ходил слух об убийстве ребенка, что повлечет за собой страшную охоту на евреев, принесшую более 40 жертв, не говоря уже о многочисленных раненых. Давний тезис о том, что погром был спровоцирован агентами безопасности, чтобы отвлечь международное внимание от фальсифицированных результатов референдума, не выдерживает тщательного анализа фактов (Gross 2010). Он как раз подчеркивает сильное соучастие армии и местной милиции в зверствах на улицах, а также холодную жестокость местных акторов, которая наблюдалась даже среди медсестер, отвечающих за последующую помощь раненым в госпитале.

Среди многих факторов, лежащих в основе этого антисемитского всплеска, Ян Гросс исследует традиционно приводимые аргументы, такие как живучесть фигуры «иудео-большевизма» или «иудео-коммуны», осужденной демонстрантами в Кракове в мае. Однако центральная, но не исключительная гипотеза, защищаемая историком, касается, скорее, страха, который был вызван присутствием, пусть даже в очень небольших количествах, евреев, страха в отношении будущего собственности, присвоенной местными жителями во время Холокоста, и риска быть вынужденными вернуть имущество выжившим. В поддержку этого тезиса возникает вопрос, какую роль могли сыграть репатрианты с советского востока в разжигании этого коллективного страха. Согласно отчетам центрального НКВД, с начала марта по конец июня 1946 г. с восточных окраин СССР в Польшу было перевезено 190 тыс. человек, из которых не менее 50% были польскими евреями⁸⁹. Подавляющее большинство конвоев через несколько недель после пересечения границ СССР направлялись в Силезию через юго-восточную Польшу. Прохождение поездов с репатриантами, в которых ехало много евреев, возвращавшихся

⁸⁸ ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.1. Д. 33: 70. «Донесение Ромашенко от 15 июня 1946 г.».

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1400: 118-136. «Донесения начальника центрального отдела милиции НКВД СССР Галкина о порядке очередности репатриаций поляков из СССР».

из Советского Союза, должно было подпитывать ужасающие фантазии одновременно и об иудо-коммуне, и о возвращении бесчисленных еврейских беженцев из СССР, которые отныне будут претендовать на свои дома, предприятия и движимое имущество. Были ли среди еврейских жертв штурмов поездов бывшие депортированные? Подтвердить это нечем, но совпадение невероятной волны антисемитского насилия и великих возвращений из «глубинки СССР» точно не было случайным. На это же указывает и анализ, сделанный через 2 месяца после погрома в Кельце представителем посольства СССР в Польше. Автор Тупицын вспоминал, что в середине 1945 г. после освобождения концентрационных лагерей в Польше находилось от 50 до 60 тыс. евреев. Позже их стало около 200 тыс. в основном за счет репатриации из Советского Союза. По данным Еврейского центрального комитета Польши, из СССР действительно вернулось 150 тыс. евреев. Не упоминая явно причинно-следственной связи, Тупицын лишь уточнил, что погром в Кельце вызвал настоящую панику среди евреев, которые теперь хотели во что бы то ни стало уехать на запад, чтобы вообще покинуть страну⁹⁰.

Относительная синхронность между прибытием в Польшу бывших депортированных и вспышкой антисемитского насилия действительно привела к тому, что многие репатриированные евреи рассматривали свою родину только как место транзита. Как сказал Анри Вельх: «Когда мы увидели все, что происходит в Польше и как обращаются с евреями, мы сразу же решили уехать в Германию»⁹¹. Отъезд в Германию в 1946 г., чтобы спастись от антисемитизма, мог бы показаться очень абсурдным или удивительным, если бы этот рефлекс не транслировал огромный шок, испытанный перед лицом вечной ненависти, проявленной к евреям в родной для них стране. Репатриации с востока не всегда отмечались в Польше как «возвращения евреев», и не случайно: их присутствие в стране часто было лишь временным. Тупицын, ссылаясь на информацию, предоставленную Еврейским центральным комитетом, указал, что от 70 до 80 тыс. евреев уже покинули Польшу через 2 месяца после погрома в Кельце. Они собирались присоединиться к лагерям для перемещенных лиц в американской зоне, в Штутгарте или Мюнхене, покинуть Силезию через Чехословакию или Австрию или даже добраться до Щецина в Померании, чтобы оттуда отправиться в Берлин⁹². С возвращением из депортации великие миграции поляков с востока подходили к концу на трагической ноте.

Как завершились великие переселения?

В середине 1946 г. обозначенное Сталиным требование закрыть внешние границы СССР взяло верх над всеми другими соображениями и официально положило конец пограничным миграциям, и соответственно прекратилась деятельность польских национальных органов, занимавшихся эвакуацией. В сентябре 1946 г. Вольского, великого проводника репатриации поляков, пригласили на заслуженный отдых на Крымскую Ривьеру⁹³. Он разделил эту честь с Болеславом Берутом и Якобом Берманом, но, в отличие от двух партийных лидеров, был всего лишь человеком-винтиком. Символическое место, отведенное для него в Ливадии, еще больше подчеркивало важность миссии, которую он

⁹⁰ Нота Посольства СССР в Польше о состоянии еврейского вопроса в стране от 24 сентября 1946 г., воспроизведенная в работе (Волокитина 1999: 340–343).

⁹¹ Интервью с Henri Welch, 2008.

⁹² Нота Посольства СССР в Польше от 24 сентября 1946 г., воспроизведенная в работе (Волокитина 1999: 343).

⁹³ Донесение Круглова Сталину от 10 сентября 1946 г., воспроизведенное в работе (Волокитина 1999: 337).

выполнял и успех которой советские власти теперь приписывали ему. Но какой успех, и с какой целью?

На Украине тысячи поляков все еще находились в движении, и некоторые, запоздало осознав последствия своего упрямого неверия в неизбежное, начали атаковать власти с требованием их перевезти. Теперь им пришлось столкнуться с лабиринтом советской бюрократии от областных администраций Западной Украины до московских, призванных проверить их требования и согласовать их с польским посольством в СССР. На этом длинном пути к нужным документам успехи были разными, но возвращения небольшими группами продолжались по крайней мере до конца 1947 г.⁹⁴

Выезд людей закрыл не все переговоры по возвратам. Культурные ценности по-прежнему были предметом острой напряженности между польскими и украинскими специалистами, будь то сокровища библиотеки «Оссолинеум», одного из самых престижных фондов польской культуры, статуя поэта Адама Мицкевича во Львове, которую поляки требовали напрасно, или имущество католической церкви (Amar 2006).

Как писал Осубка-Моравский в своих «Воспоминаниях»: «С Хрущевым у нас был только один настоящий спор. А именно, что он не хотел отдать нам часть коллекции Оссолинеума и Рацлавицкую панораму⁹⁵. Он считал, что эти негативные картины, иллюстрирующие плохие времена польско-русских отношений, следует скорее уничтожить» (Osóbka-Morawski 1961: 117)⁹⁶. Бывший глава Люблинского правительства и премьер-министр правительства национального единства старался не возвращаться к болезненному генезису двусторонних отношений и репрессиям, перенесенным польской командой на Украине в конце 1944 – начале 1945 г. Но его замечание, каким бы безобидным оно ни казалось, выявляет осадок, оставленный историей деполонизации границ. Среди поляков было стойкое чувство, что у них украли их законное имущество, и это негодование осталось ярким в памяти простых граждан, которые 50 лет спустя всегда и прежде всего вспоминали, что они прибыли голыми, как и в воспоминаниях лидеров, например, Осубка-Моравского, описывающего через 15 лет после событий наиболее важные элементы национального наследия, частично утраченные.

Конечная точка в истории переездов продолжает отодвигаться очередными потрясениями. Прежде всего, это было приведение в порядок пограничного режима и модификация пути между Польшей и СССР, заново актуализировавшие машину перемещений населения и учет электрических столбов и железных дорог, которые иногда приписывались полякам, иногда украинцам⁹⁷. Советский союз потребовал часть приграничной территории, прилегающей к районам Дрогобыча и Львова, где были залежи

⁹⁴ См., в частности, сводки о выездах с советской территории за 1947 г. в архивах и работах: ГАРФ. Ф. 9401. ОП. 2. Д. 169: 145; (Schechtman 1962; Ciesielski 1999). В 1947 г. вернулось от 7 до 10 тыс. поляков.

⁹⁵ Рацлавицкая панорама изображает одно из сражений во время восстания Костюшко против русского владычества в 1794 г. Сейчас эта картина находится во Вроцлаве.

⁹⁶ Осубка-Моравский впоследствии писал, что для победы в его деле потребовалось вмешательство Сталина. Рацлавицкая панорама была успешно репатриирована во Вроцлав.

⁹⁷ Установление пограничного режима вызвало частичное обезлюдение периметра границы и привело к перемещению нескольких тысяч украинских и польских дворов, см.: ЦДАВОУУ. Ф. 4959. Оп. 5: 1-2. Соглашения 1951 г. также привели к перемещению примерно 5 тыс. дворов. О деталях этой операции см.: ЦДАВОУУ. Ф. 4959. Оп. 5: 9-13; РГАСПИ. Фонд Молотова. Оп. 82. Д. 1293: 68-134.

нефти, и уступил взамен скромную территорию Карпат, которая впоследствии стала туристической зоной для поляков⁹⁸.

После смерти Сталина и наступления оттепели между двумя сторонами снова стал обсуждаться вопрос о поляках, проживавших в СССР. С 1956 г. в канцеляриях западных республик СССР скопилось несколько сотен тысяч заявлений на выезд. Польско-советское соглашение о поздней репатриации, подписанное в марте 1957 г., привело к отъезду почти 100 тыс. поляков в том же году, более чем через 10 лет после официального прекращения репатриации! (Ruchniewicz 2000)⁹⁹. Большинство этих репатриантов прибыли из Литвы и Белоруссии.

Взаимообмен меньшинствами между Польшей и Украиной считался успешным, но прежде всего в отношении хода операций на новых прилегающих советских территориях. В ноябре 1946 г. посол СССР в Варшаве принял Якоба Бермана за несколько дней до подписания двустороннего акта, санкционирующего прекращение перемещения меньшинств по обе стороны новой границы. Он предложил польскому правительству придать этому событию широкую огласку. Берман, утверждая, что он проникся этой идеей, ответил, что ему кажется невозможным предать гласности успех польско-советского предприятия, пока не будет завершена эвакуация поляков из Литвы и Белоруссии¹⁰⁰. На этих двух территориях, входивших между войнами в состав Польши, в конце войны не было никакого обмена населением. Очень мало белорусов присоединились к своей титульной республике, и ни один литовец не присоединился к своей. С другой стороны, многие поляки хотели уехать, но по окончании эвакуации более 300 тыс. из них все еще удерживались под предлогом, в частности, что они не представили достаточных доказательств своей этнической принадлежности¹⁰¹. Москва открыто не вмешивалась, чтобы разблокировать споры, несмотря на неоднократные и настойчивые просьбы Варшавы. В 1944-1945 гг. приходилось использовать угрозы и насилие, чтобы убедить поляков покинуть Украину. В самом конце операции насилие над меньшинством в Литве и в Белоруссии заключалось в том, чтобы сообщить им об их возможном пленении на советской территории. В истории великих отъездов поляков с окраин, таким образом, вырисовываются 2 противоположных памятных образа: вынужденного выселения, с одной стороны, и с другой – предписания жить на родной земле, ставшей советской. Эти противоречивые образы, несомненно, объясняют очень слабое значение следов истории перемещений поляков с востока в мемориальном дискурсе современной Польши.

⁹⁸ Польско-советское соглашение об изменении линии границы от 15 февраля 1951 г., воспроизведенное в сборнике (МИД 1957: 152-157).

⁹⁹ Подробнее о более широком контексте этой волны возвращения см. работу (Weiner 2006).

¹⁰⁰ Протокол беседы Яковлева с Берманом от 13 ноября 1946 г., воспроизведенный в работе (Волокитина 1999: 371-372).

¹⁰¹ См. отчет о репатриации из Литвы, подготовленный польской делегацией в декабре 1946 г., опубликованный Э. Колодзей (Kołodziej 1997), а также работу (Ciesielski 1999).

Архивные источники

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦДАГОУ - Центральний державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных объединений Украины)

ЦДАВОУУ - Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины)

AAN Archiwum Akt Nowych (Архив новых актов, Польша).

HIA Hoover Institution Library & Archives (Библиотека и архив Гуверовского института).

Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP (Архив Министерства внутренних дел и администрации Республики Польша)

Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy (Государственный архив Службы безопасности Украины).

Литература

Волокитина Т.В. (Ред.) (1999). Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: документы, т.1: 1944–1948 гг. Москва: РОССПЭН.

Вохменцева Н.В. (2015). Поляки в Горном Алтае в 30-50-е годы XX века в документах и фактах. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 3(9), 62-67.

Гурьянов А.Э. (1997). Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. В *Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1* (с.с. 114–136). М.: Звенья.

Жаронь П. (2002). Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949). В А. Кучиньски, П. Романов (Ред), *Сибирь в истории и культуре польского народа. Конгресс поляков в России* (с.с. 376-384). Вроцлавский университет, центр восточных исследований; пер. с пол. Москва: НИЦ "Ладомир".

Земсков В.Н. (1990). К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. *История СССР*, 4, 26-41.

Земсков В.Н. (2005). *Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960*. Москва: Наука.

Клейн-Гусефф К. (2013). Возвращение на родину: переселение польского меньшинства из Западной Украины и «репатриация» бывших польских граждан из Центральной Азии (1944-1946). В Н.Н. Аблажей, А. Блюм (Ред.). *Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2* (с.с. 79-85). Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Новосибирск: Наука.

МИД (1957). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XIV. Москва.

Полян П.М. (2001) Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ.

- Сливка Ю. (Ред.). (1996-1999). *Депортації. Західні землі України: кінець 30-х-початок 50-х рр. Документи, матеріали, спогади*. У 3 т., т. 1 (1939-1945 рр.), т. 2 (1946-1947 рр.). Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- Тольц М.С. (2015). Автор термина «перемещенные лица»: Евгений Михайлович Кулишер (1881-1956). *ДемоскопWeekly*, 655-656.
<http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/nauka05.php>
- Чевардин А. (2013). Репатриация польских граждан из Свердловской области в 1944–1946 гг. *Europa Orientalis. (Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich)*, 4, 71-80.
<http://dx.doi.org/10.12775/EO.2013.005>
- Amar T. (2006). *The making of Soviet Lviv, 1939 -1963*. (PhD Dissertation). Princeton University.
- Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP, Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy (2000). *Polska i Ukraina w latach Tzydziestych-c zterdziestych XX Wieku*, T. II. Przesiedlenia Polaków i Ukraińców 1944-1946. Warszawa-Kijów.
- Basiński E., Adalińskiej H. (Eds.) (1974). *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. T. VIII, styczeń 1944 grudzień 1945. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Belina Y. (1992). Ucieczka z kopalni. In Związek Sybiraków, *Zarząd Główny komisja historyczna* (p. 27). Wspomnienia Sybiraków, 6. Warszawa: Pomost.
- Boeckh K. (2007). Stalinismus in der Ukraine. Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Ciesielski S. (1999). Przesiedlenie ludności polskiej z kresów wschodnich do Polski 1944-1947. Warszawa: Neriton Pan.
- Ciesielski S., Materski W., Paczkowski A. (2000). *Represje sowieckie wobec Polakow i Obywateli polskich*. Warszawa: Karta.
- Czerniakiewicz J., Czerniakiewicz M. (2007). *Przesiedlenia z Wchodu, 1944 -1959*. Warszawa: TWP.
- Dagerman S. (1980). *Automne allemand*. Arles: Actes Sud.
- Douglas R.M. (2012). *Les expulsés*. Paris: Flammarion.
- Frank M. (2007). Expelling the Germans: British Public Opinion and Post-1945 Population Transfer in Context. Oxford: Oxford University Press.
- Gatrell P. (1999). A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press.
- Głowacki A. (1994a). O deportacji osadników wojskowych w głąb ZSSR (w świetle materiałów NKWD). *Studia*, 2, 111-143.
- Głowacki A. (1994b). Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943-1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Głowacki A. (1998). Sowietci wobec Polakow na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939-1941. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Gousseff C. (2003). «Kto náš, kto ne náš» Théorie et pratiques de la citoyenneté à l'égard des populations conquises. Le cas des Polonais en URSS, 1939-1946. *Cahiers du monde russe*, 44(2-3), 519-558. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8621>

- Gousseff C. (2007). Des migrations de sortie de guerre qui reconfigurent la frontière: ouverture et refermeture de l'URSS avant la Guerre froide. In S. Coeuré, S. Dullin (Ed.), *Frontières du communisme. Mythologies et réalités et de la division de l'Europe de la Révolution d'Octobre au mur de Berlin* (pp. 428-442). Paris: La Découverte.
- Gross J.T. (2002). *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton-Oxford: Princeton University Press.
- Gross J.T. (2010). *La peur. L'antisémitisme en Pologne après Auschwitz*. Paris: Calmann-Lévy.
- Gross J.T., Grudzińska-Gross (1990). *W czterdziestym nas matko na Sybir zesłali. Polska a Rosja 1939-1942*. Warszawa: Res Publica.
- Grynberg H. (1994). *La guerre des Juifs*. Paris: Balland.
- Hirsch H. (1998). *Die Rache der Opfer. Deutsche in polnischen Lagern 1944-1950*. Berlin: Rowohlt Berlin.
- Hryciuk G. (2000). *Polacy w Lwowie 1939-1944. Życie codzienne*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Instytut Pamięci Narodowej, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji RP, Federalna Służba Bezpieczeństwa Federacji Rosyjskiej (2003). *Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku*. Warszawa -Moskwa.
- Instytut Studiów Politycznych PAN. (1992). *Katyń. Dokumenty ludobójstwa: dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r.* Warszawa.
- Jolluck K.R. (2002). *Exile and Identity. Polish Women in the Soviet Union during World War II*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press.
- Karski J. (2010). *Mon témoignage devant le monde. Histoire d'un État clan- destin*. Paris: Robert Laffont.
- Kersten K. (1974). *Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej*. Wrocław: Studium historyczne.
- Kołodziej E. (1997). Sprawozdania Głównego Pełnomocnika Rządu RP do spraw Ewakuacji Ludności Polskiej z Litewskiej SSR w Wilnie z przebiegu zbiorowej repatriacji w latach 1945-1947. *Teki Archiwalne (seria nowa)*, 2(24),167-172.
- Kowalska E. (1998). *Przeżyć aby wrócić. Polscy zesłancy lat 1940-1941 w ZSRR i ich losy do roku 1946*. Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN.
- Kozak M., Pyszkowski A., Szewczyk R. (2000). *Słownik Rozwoju Regionalnego*. Warszawa: Agencja Wydaw. MakPrint.
- Kulischer E. (1948). *Europe on the move. War and population changes, 1917-1947*. New York: Columbia University Press.
- Lanckorońska K. (2002). *Wspomnienia wojenne*. Cracovie: Znak.
- Madajczyk Cz. (1991). Niemieckie dokumenty o sytuacji Polaków pod okupacją radziecką w roku 1940. *Dzieje najnowsze*, XXIII (3).
- Mazowiecki W. (1989). *Wydarzenia 3 Maja 1946*. Paris.
- Morgenstern S. (1998). *Le fils prodigue*. Paris: Liana Levi.
- Morgenstern S. (2000). *Idylle en exil*. Paris: Liana Levi.

- Morgenstern S. (2001). *Le testament du fils prodigue*. Paris: Liana Levi.
- Nitschke B. (2004). Wysziedlenie czy wypędzenie ? Ludność niemiecka w Polsce w latach 1945-1949. Toruń: Adam Marszałek.
- Osóbka-Morawski E. (1961). Papers. In *Hoover Institution Library & Archives. E. Osóbka-Morawski papers, box 1. Materiały do historii Polski Ludowej (wspomnienia, uwagi, cytaty i materiał przyczynkowy)*. Warszawa.
- Ruchniewicz M. (2000). *Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955-1959*. Warszawa: Oficyna Wydawnictwo Volumen.
- Schechtman J. (1962). *Postwar Population Transfers in Europe 1945-1955*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Snyder T. (2003). *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus 1569-1999*. New Haven-London: Yale University Press.
- Sword K. (1996). *Deportation and Exile. Poles in the Soviet Union, 1939-1948*. London: Macmillan.
- Ther Ph. (1998). Deutsche und polnische Vertriebene. Gesellschaft und Vertriebenenpolitik in der SBZ/DDR und in Polen, 1945-1956. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Thum G. (2006). *Obce miasto Wrocław 1945 i potem*. Wrocław: Via nova.
- Vardy S.B., Tooley T.H. (Eds.) (2003). *Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. New York: Columbia University Press.
- Wat A. (1989). Mon siècle. Confession d'un intellectuel européen. Paris: L'Âge d'Homme.
- Weiner A. (2006). The Empires Pay a Visit: Gulag Returnees, East European Rebellions, and Soviet Frontier Politics. *The Journal of Modern History*, 78 (June), 333-376.
- Zawadzki P. (1990). Le 1er ou le 3 mai ? Un chassé-croisé commémoratif. In A. Brossat, S. Combe, J.-Y. Potel, J.-C. Szurek (Dirs.), *À l'Est, la mémoire retrouvée* (pp. 342-364). Paris: La Découverte.
- Zayas (de) A.M. (1989). *Nemesis at Potsdam. The Expulsion of the Germans from the East*. Lincoln-London: University of Nebraska Press.
- Związek Sybiraków, Zarząd Główny komisja historyczna (1990-1993). *Wspomnienia Sybiraków*, t. 1-9. Warszawa: Pomost.